

Галина Мурсалиева

МЕЖДУЦАРСТВИЕ В ГОЛОВАХ:

психодинамика переходного сознания

Галина Мурсалиева

Междоцарствие в головах

НПФ «Смысл»

Мурсалиева Г.

Междущарствие в головах / Г. Мурсалиева — НПФ
«Смысл»,

Как мы жили? Как мы живем до сих пор и почему? Почему наши дети выпрыгивают из этой жизни в окна? Кто такие «намордоранцы?» Куда звонить «при любви»? Как можно обречь людей на гибель, и как вернуть людей к человеческой жизни? Эта книга история жизни нашего общества за последнее десятилетие через призму причудливого отображения ее в сознании людей. Все связано нюансами человеческих напряжений и защит, обманов и самообманов, зависимости и честности. Адресуется всем, кто стремится понять.

© Мурсалиева Г.

© НПФ «Смысл»

Содержание

А ЧТО У ВАС, РЕБЯТА, В ГОЛОВАХ?	5
Глава 1	7
«ЗАУМЬ БЕСИЁ»	8
АСТРАЛ КРЕПЧАЛ	12
ГОЛУБЬ, ЛЕТИ!	15
Глава 2	22
ТАМ ЛЕШИЙ БРОДИТ...	23
АСФАЛЬТ ДЛЯ ОЛИГАРХОВ	27
ВНУКИ ЖЕГЛОВА	30
ДАРУЮЩИЙ ЗЛО ВИДИТ ТОЛЬКО ЗУБЫ	33
Глава 3	38
«ОПЫТЫ» БЕЗ МОНТЕНЯ	39
ВТОРЖЕНИЕ,	41
КАК МЫ СТАЛИ ВИРТУАЛЬНЫМИ	43
ЗАМЫСЛИЛИ ОНИ ДОБРО	47
ГЕРОЙ ВИРТУАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ	51
РЕАНИМАЦИЯ	55
У КАЖДОГО В КОМПЬЮТЕРЕ СВОЙ ТРУП	59
Глава 4	63
ВЛАСТЬ ИНСТИНКТОВ	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Галина Мурсалиева

Междущарствие в головах

А ЧТО У ВАС, РЕБЯТА, В ГОЛОВАХ?

Перестройка... Горбачев... Ельцин... Революция... Переворот... Путч... Распад СССР... Гайдар... Реформа цен... Чубайс... Приватизация... Конституция... Расстрел парламента... Голосуй... Бандиты... Олигархи... Дефолт... Силовики... Чечня... Дагестан... Березовский... Путин... Дубровка... Гексоген... Беслан... ЮКОС... Путь от безмятежной уверенности в завтрашнем дне и шуток про наше светлое будущее – самое будущее в мире до ощущения себя в джунглях, где за каждым поворотом – звериный оскал дикого капитализма, по лианам носятся голосащие политехнологии, в траве скользят смертельно ядовитые террористы, а сквозь заросли тяжело продирается молчаливый ОМОН, пройден в рекордные сроки, меньше времени смены поколений. Крыша едет, приходится придерживать обеими руками. Кризис в стране с самого начала был не только политический и экономический, не меньшую роль во всем происходящем играл кризис психологический, кризис смысла и ценностей. Хотя бытие и определяет сознание, но лишь до определенного момента. В какой-то момент сознание имеет шанс собраться и начать определять бытие. Но само собой это не происходит. Похоже, что наша страна еще не дошла до этой точки, и остается лишь надеяться, что успеет дойти. Повзрослеть.

До революции, при царе, говорили про другого царя – в голове, что означало собственное разумение. «Без царя в голове» – значило неразумный, безбашенный, без руля и без ветрил. Революция в феврале 17-го года скинула царя – самодержца всероссийского, октябрьская же революция упразднила заодно и царя в голове. Советской власти ни к чему было своемыслие граждан. Всего лишь десятилетие спустя был поставлен диагноз: «разруха в головах». Слегка прибрались, и вот несколько поколений выучилось жить без царя в голове, обходиться содержанием, перекладываемым в нее из «Краткого курса...» и хорошо отредактированных СМИ.

Хорошо было при развитом социализме. Думать не надо, все, что надо думать, специальные органы расписывали в методических пособиях. Самому мозги напрягать мало того что утомительно, еще и для здоровья вредно. Государство заботилось о здоровье граждан, лечило принудительно извращенцев-мыслеголиков.

А как предложили перестраиваться, стало нехорошо. Ведь это значит – самим соображать, каждому отдельно. Главное, чего лишилась большая часть населения в переломные годы – не работа, зарплата и сбережения. Самая страшная утрата – утрата ясной, определенной картины мира, норм жизни, ценностей и смысла. Всем было ясно, ради чего и как жить в обществе строительства коммунизма. И вдруг – всего этого нет, не знаешь не только в какой стране живешь, но и ради чего. Плюрализм в одной голове – это, как известно, шизофрения. Почему вдруг больше половины населения в одночасье записались в православие, причем одновременно с восточными гороскопами, диагностикой кармы и старыми житейскими языческими суевериями? Глубинная религиозность вышла из подполья? Нет, просто надо было срочно чем-то заполнить вакуум, возникший при крушении коммунистической веры, – чтобы с ума не сойти. Где-то взять заповеди, которым следовать. Не своим же умом жить, в самом деле? Эдак мы не приучены... Царей у нас давно нет. В том числе в головах.

Помню, когда Горбачев провозгласил лозунг нового мышления, меня, как психолога, разобрат профессиональное любопытство. Мышление занимает почетное место в любом учебнике психологии, значит, новое мышление тоже в нашей компетенции. Что же это с

психологической точки зрения? Попробовал разобраться – да ничего особенного. Обычное культурное логическое развитое мышление. Тогда, подумал я, может со старым что-то не так, которому оно на смену должно прийти? Копнул – и ужаснулся. Мышления там вовсе не оказалось, а оказалась смесь мифов, комплексов, амбиций, предрассудков, барьеров, пустословия, страхов, причудливых фантазий и непонимания. Этот коктейль и сейчас занимает место мышления у огромного числа людей, не исключая и популярных политических деятелей.

Но эта книга не о них, а о нас. В какой-то мере обо всех, потому что в нашу переходную эпоху известно откуда непонятно куда «старое мышление», являющееся главным предметом и героем этой книги, не обошло никого из нас. Даже наиболее мыслящие, ответственные, критичные и самокритичные все равно остаются заражены этим психологическим вирусом, который мы по капле из себя выдавливаем, но считать себя полностью здоровыми смогут только наши дети. Надеюсь.

Эта книга – единственная в своем роде, не имеющая аналогов. Ее автор Галина Мурсалиева – журналист от психологии и психолог от журналистики – вот уже не менее десятилетия в своих статьях, публиковавшихся в основном в «Огоньке» и «Новой газете», и вот теперь в этой сделанной на их основе книге тончайшим из всего набора журналистских перьев неумоимо исследует причудливые извивы нашего переходного сознания. Как мы обманываем и обманываемся – и как не даем обманывать себя. Как бежим от «тьмы низких истин» к «возвышающему обману» – и как нам удастся пробиться к правде и удержать ее. Как поем с чужого голоса – и как обретаем собственный. Как теряем своих близких и самих себя – и как обретаем их и себя вновь. Как мучительно страдаем от разрухи в собственных головах – и как трудно реставрируем в ней самодержавие. Как сон нашего разума рождает чудовищ – и как иногда все-таки удастся найти в себе душевные силы, чтобы проснуться. Как тяжелее всего страдают от всеобщей межеумочности дети – и как даже в тяжелейших условиях все-таки пробиваются ростки разумного, доброго, вечного, когда кто-то сам берется за ум, перестав надеяться на ценные указания и всеобщее изобилие откуда-то оттуда...

Эта книга далека от того, чтобы красить все одной краской – черной, белой или красно-коричневой. Она вся на полутонах, как и сама жизнь, в которой есть все – и отчаяние, и мужество, и пустота, и смысл, и страх, и надежда. Дочитав до конца, убеждаешься, что в головах, конечно, черт-те что, но шанс есть. Как говорил, кажется, Бродский, этот мир уже не спасти, но отдельного человека всегда можно. И путь к спасению прост, хотя и невероятно тяжел – самому взяться за ум, не искать готовых фасованных рецептов, смыслов, лозунгов. Думать и отвечать за себя. И заодно за близких немножко. Только тогда и в подъездах постепенно наступит порядок, и планету приберем.

Не спрашивай, куда несется Русь, отвечай, куда идешь ты.

Дмитрий Леонтьев, доктор психологических наук

*...Нам больше не на что пенять,
Самых себя перехитрили:
Умом Россию не понять
Без помощи психиатрии.*

Владимир Леви

Глава 1 ФЛЕЙТА ДЛЯ ИЗВИЛИН

«ЗАУМЬ БЕСИЁ»

Как мы создавали «деструктивный культ» за три года до конца века

Возле киоска, торгующего «быстрой» едой, всего один столик и три пластиковых стула. Мы с психологом Владимиром Крысенко берем себе гамбургеры и занимаем места. Третьего пока нет. Человек, который захочет здесь перекусить, станет нашей жертвой.

... – У вас свободно? – к нам подсаживается юноша в черных джинсах и кожаной куртке. Он кладет на стол огромный сэндвич, разноцветную газетку, потягивает пиво. Володя слегка хмурит брови – я для себя перевожу: парень не очень-то нам подходит, он, видимо, весьма уверен в себе. Я едва заметно киваю, что означает: давай все же рискнем. И Володя, проучившийся год в театральном вузе, вдруг меняется: он сияет, светится, на него радостно смотреть. «Бомбежка любовью», – вспоминаю я термин, относящийся к завлекающему искусству сектантов. И тоже ласково улыбаюсь. Парень, метнув на нас взгляд, взялся за газету теперь не праздно, как поначалу, а с нарочитой внимательностью. Однако не выдержал, мельком взглянул на нас, потом еще раз, теперь уже с каким-то подобием улыбки на лице. Я тут же сказала:

– Знаете, вы нам почему-то так понравились, что нам с другом захотелось вас пригласить.

– Что? Вы мне?

– Да! – проникновенно вступил Володя. – Это, конечно, твое дело. Но в нашем солнечном братстве тебе были бы рады.

– Где? – недоверчиво переспросил юноша.

– В братстве, – пояснила я. – Братство – это когда все бескорыстно. Друзья собираются на совместное чаепитие, для того чтобы попытаться понять этот мир. Это особенно важно теперь, когда до конца века и света остается меньше трех лет.

Парень улыбнулся:

– Приколы нашего городка? Где-то здесь камера?

Я уже было махнула рукой: не удалось. Но психолог Крысенко с пафосом подхватил:

– Друг, ты абсолютно прав! У нас есть свой городок, там живут святые голуби.

– Голуби?..

Человек человеку – героин, или Монолог консультанта

Евгений Волков – конфликтолог, кандидат философских наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского университета. Он консультант по проблемам защиты от психологического и духовного насилия, выводу из деструктивных культов. Сказать, что он со своей редкой профессией сегодня востребован, значит не сказать ничего: его рвут на части, приглашают на всевозможные семинары и тренинги, психологи и психотерапевты просят о консультациях.

– Все понимают ужас психотропного оружия, – рассказывает Волков. – Грубо говоря, оно сдвигает химию и физику организма, клеточные процессы. То есть ломает сам механизм, как если бы взяли и сломали компьютер. Теперь представьте: компьютер в целости, а все программы в нем подменяются. Это не менее страшно. Вот он, человек: живой и невредимый, он с вами, но, по сути, его уже нет – он где-то далеко и к вам больше не возвращается. Что произошло? Воздействие человека на человека. Мы друг для друга куда более сильные наркотики, чем героин. И

если эти воздействия организовать определенным образом, это может быть пострашнее психотропного оружия.

На семинаре в одном из сибирских городов я видел девушку, которая попала в «Белое братство» в четырнадцатилетнем возрасте и провела в секте несколько месяцев. Прошло полтора года, как она оттуда вышла. Но на семинаре, где присутствовали люди зрелые и даже пожилые, она казалась старше их. Сплошная настороженность – человек на войне. У нее было ощущение: над ней совершили психологическое насилие. Как? Есть несколько видов техники контроля сознания. Например, групповое давление через игры, подобные детским, через пение, объятия, прикосновения и лесть. Через изоляцию – вдали от близких человек теряет чувство реальности. Есть техники, останавливающие мышление: монотонное пение, повторяющиеся действия. Ну и так далее.

Многим кажется, что поддаться этому могут только люди неопытные. Это не так. Одна американская ученоя долгое время изучала приемы, которые применяли в некоем скандальном культе. Люди, попадавшие туда, сходили с ума, кончали жизнь самоубийством, покушались на жизнь близких. И вот она решила провести эксперимент: прикинувшись человеком с улицы, дала себя «уговорить» и уехала с ними за город. Первое, что она спросила у захватившей к ней на третий день коллеги, было: «Пожалуйста, напомни: а что там у них плохого?»

Есть такая древняя мудрость: к большим поражениям, провалам мы подходим мелкими шагами. И если мелкие сдвиги, отклонения кем-то программируются, выстраиваются в последовательную систему, человек нечувствительно переходит в иное качество. В школьные годы у меня был друг, который ловил голубей на балконе. Когда птица садилась на перила, он начинал от дверей медленно-медленно двигаться, делая при этом мелкие движения руками. И в итоге, когда он уже приближался, оставалось так же медленно поднести руку и брать живую добычу... Для голубя все это время ничего, по сути, не происходило.

Пленный дух

– ...Голуби? – переспросил «Друг», улыбаясь.

– Да, – сказал Володя. – И ты, друг, можешь заслужить это звание. Его носят люди просвещенные, понимающие: на краю века всем, кто не услышит гласа верховного Бога Глюка, предстоят страшные испытания.

– Глюка? Да я вообще не колюсь.

– А вы уверены, что все, что сейчас происходит, не галлюцинация? – задумчиво произнесла я. – Голуби упорхнули от нечисти и построили свой прекрасный городок. Там светло и чисто. Нет подлости, хитрости – только любовь.

– А как называется? – нашелся вдруг парень. – Что это, организация?

– Группа, – сказал Володя. – Называется «Заумь Бесиё», что означает учение о душе.

– А-а, – сказал «Друг». – Я что-то слышал. Там что-то взорвали.

– Нет, – напрягся Володя. – Хорошо, что тебя сейчас не слышат голуби. То было «Аум Синрикё». Это нельзя путать.

И дальше мы, попеременно беря слово, выдали адскую смесь учений, чаяний, научных и околonaучных сведений, мистики. Парень слушал, открыв рот.

...В суде на слушании дела по иску к автору брошюры «Десять вопросов навязчивому незнакомцу, или Пособие для тех, кто не хочет быть завербованным» Александру Дворкину мы видели родителей, чьи дети связали свои судьбы с некоторыми упоминавшимися на заседании сектами. Выражением лиц они были очень похожи на солдатских матерей – может быть, вы помните, их много раз показывали в телепередачах. Тогда шла первая война, и матери просто селились в Чечне в надежде выволить из плена своих сыновей.

– Мой сын Сережа учился в текстильном институте, его конструкции участвовали в показе высокой моды. Все бросил с того дня, как к нему на улице подошли активисты «Церкви Христа», – рассказывала мне одна из женщин в перерыве судебного заседания. – Он дал свой телефон и адрес, и с того момента – чуть ли не каждую минуту звонки по телефону и в дверь: «Здравствуй, друг!» Надо проводить заболевших братьев, проводить на поезд сестер, завербовать новых членов... Пошла я как-то с ним, мне, честное слово, стало плохо. Бум-бум-бум – забивают гвозди якобы в Христа: такие вот эффекты театральные. У Сережи не осталось ни одного друга из тех, которые были до секты. Года три, как я ни разу, понимаете, ни разу не видела, чтобы он улыбнулся как раньше, от души... Знаете, как они молятся? Воят, стонут, теряют сознание. Дома молиться нельзя – надо найти высокое место: дерево или крышу. Наши дети в полной, абсолютной власти лидеров секты. Поэтому многие родители боятся говорить о том, что знают. Убеждена, если лидеры скажут сыну: пойдя и убей – он пойдет и убьет.

Сообщения, связанные с сектами, по числу пострадавших напоминают фронтовые сводки: самоубийство в Сан-Диего членов общины «Врата Рая» – погибло 39 человек; у нас, в селе Антипино Тюменской области – 36 трупов, жертв ритуальных убийств; пропал без вести бывший сектант Богородичного центра Слава Вишневский. Это – из ставшего известным лишь за два месяца...

Суть обвинения автору брошюры – покушение на свободу совести. И в самом деле – формула «кто сектант, тот преступник» – опасна. Но если сектант – преступник, как это распознать? Страшные тени действительно преступных групп «Белое братство», «Аум Синрикё» – разве не надо о них говорить, объяснять, как их можно было бы распознать на входе?

– Похищение бывших членов сект – явление нередкое, – сказали мне в центре криминальной информации ГИЦ МВД России, – есть основание считать, что так поступает «Церковь Христа», есть письменные показания человека, которого шантажировали, покушались на его жизнь. За помощью приходят родители. А официально обращаться в милицию боятся. Конечно, есть религиозные движения, которые в правовом отношении безупречны. К примеру, баптисты не нарушают закон. Но существуют группы явно преступные. И нет правоохранительной структуры, которая бы ими занималась. Преступления, связанные с сектами, тонут в потоке обычных уголовных дел. А вот в царской России существовал специальный департамент, который занимался преступлениями, случившимися на религиозной почве. Понимали: уровень мотивации сектанта, совершающего преступление, неизмеримо выше, чем у обычного бандита. Он думает не об обогащении, а о спасении души.

...Мы уже все знаем про «Друга». Его зовут Женя, он второй год учится в Юридической академии, ему 21 год. Родители состоятельны, и да, конечно, он сможет материально поддерживать «Заумь Бесиё». Поехать с нами на загородный семинар? (Есть у нас замечательный особнячок, полно молодежи, песни, пляски.) «Да запросто!» Как связаться? «Метро “Отрадное”, автобус – записывайте номер, 4-я остановка...» – записываем. «Перейти дорогу, там мимо гаражей, слева школа, дом с парикмахерской». Дальше номер дома, подъезд, этаж, номер квартиры и телефона. А если вечером – вот еще один номер, он там часто бывает.

Мы встаем – он остается доедать свой сэндвич. Эксперимент удался. Мы поймали голубя...

Непристойное предложение

...И отпустили через минуту. Мы вернулись. Женя, снова увидев нас, обрадовался:
– Знаете, я сейчас как раз думал, что давно так душевно ни с кем не общался.

«Когда вы встречаете самого дружественного человека, которого когда-либо знали, который вводит в самую любящую группу людей, которую вы когда-либо представляли, и вы находите руководителя самой вдохновенной, заботливой, сочувствующей и понимающей личностью, которую вы когда-либо встречали, а затем вам объясняют... что причиной появления группы является что-то такое, на осуществление чего вы никогда не смели надеяться; и все это звучит слишком хорошо для того, чтобы быть правдой, то это, вероятно, слишком хорошо для того, чтобы быть правдой! Не променяйте свое образование, свои надежды и стремления на погоню за радугой».

(Из обращения к людям бывшей участницы секты «Народный Храм» Джин Милз, ставшей впоследствии жертвой трагедии в Джонстауне, где совершились убийства и самоубийства 911 человек – взрослых и детей.)

Мы дали Жене это почитать. Он сказал:

– Ну? – Потом, подумав: – А чего они там поумирали? – И, помолчав, вдруг догадался: – Все неправда?

Он улыбался так же неуверенно, как тогда, в первые минуты нашего с ним знакомства. Мы поговорили про то, что у него не срабатывает инстинкт психологического самосохранения и что он может быть захвачен кем угодно. Он не соглашался:

– Я себя всегда контролирую.

– Нет, – сказал психолог Владимир Крысенко, – не мы, а ты дал нам свои координаты. И контакты бы начались не по твоей, а по нашей инициативе.

Мы рассказали про техники контроля сознания. Но, наверное, зря. Разочарованный, он ушел, махнув рукой:

– Идиотский розыгрыш.

Мы же, вновь собравшись с силами, отправились приставать к людям дальше. Охота шла успешно: только двое из семерых пресекли наши попытки сразу. От мужчины же лет сорока (Григорий, работает в государственной организации, возит шефа) ушли с трудом – он готов был говорить с нами о братстве и Глюке вечно. Он нарисовал нам на блокнотном листке план местности, где расположен его дом. Сказал, в какое время дома один ребенок, во сколько возвращается жена и когда он бывает сам. Ирина, 30-летняя домохозяйка, в конце беседы призналась:

– Знаете, вы просто открытие мира мне сделали. Я теперь хоть буду видеть смысл жизни, – и дала телефон.

АСТРАЛ КРЕПЧАЛ «Заумь бесиё» девять лет спустя

Эпидемия бреда самого разного рода и толка косит людей, как грипп кур. Сайентологи, под видом комиссии по правам человека, выступают на одной из самых уважаемых радиостанций Москвы. Индийские сектанты собирают в Москве залы довольно-таки престижных кинотеатров, их видеокассеты и книжки раскупаются с лету. Имидж Грабовому помогло в свое время сделать одно центральное издание, рассказав, что этот чудо-человек с помощью магического кристалла останавливает ядерный взрыв.

Наверное, все легко объясняется коммерческими интересами – «духобароны» могут хорошо платить, их бизнес процветает, он на взлете востребованности. Вернулся даже Кашпировский – герой давно обросших бородой анекдотов. Санкт-Петербургский дворец спорта «Юбилейный», в котором он выступил, конечно же, не то же самое, что экран телевизора в каждом доме. Всю страну ему теперь уже не взять под гипноз так, как это было прежде. Но все-таки востребован и он.

Страна под гипнозом?

* * *

Даже Булгакову с его Воландом и Котом такого, наверное, было не придумать... Идет прямой эфир телепрограммы «Пусть говорят», ее ведущий Андрей Малахов сообщает: «Бывший покойник Филипчук Борис Ярославович».

Вопрос из зала:

– Борис, когда вы скончались?

Ответ:

– 1 августа 1996 года.

– Вы помните себя в морге?

– Да.

– И когда вы воскресли?

– Воскрес 2 августа 1996 года.

– Что было причиной смерти?

– Не знаю.

– Что чувствовали, когда умирали?

– Абсолютно ничего.

– А когда воскресли?

– Чувствовал мир и покой. Я хочу всех вас поприветствовать, мир вам!

И мир праху твоему, хочется сказать, но праха нет, а есть человек, который действительно хоть и разговаривает, но удивительно похож на покойника. Здесь же рядом Грабовой сидит, говорит, что кто против его учения выступает, тот, стало быть, против жизни. Но и он тоже выглядит, как мертвец – нет живых реакций, никаких реакций нет! Человек говорит так, как будто кто-то его все время включает и выключает, он не отвечает на вопросы, не злится, не раздражается, не торжествует, просто ведет свой монолог. Очень серьезно.

– Это хлестаковщина! – выкрикивает кто-то из зала, и другие аналогии, более современные, здесь же звучат – про МММ говорят, про ваучеры чубайсовские, про «Властилину». Механизм, конечно, и в самом деле похож, но совсем же другие насилуются здесь струны человеческой психики, другая идет игра, другой обещается приз – не о финансовом благополучии речь, а о душевном.

Дальше в передаче возникает женщина, которая свидетельствует, что она по учению Грабового оживила своего умершего мужа; тут же выясняется, что она актриса, а человек, который писал за Грабового книгу, тоже здесь, и он никто иной, как бывший собкор «Правды», член Союза журналистов и Союза писателей. Политолог и религиовед Максим Шевченко берет в телепередаче слово и подытоживает:

– ...Контуры бизнес-проектов появляются, какие-то артисты, какие-то риайтеры, люди, которые готовят бэкграунд...

И только вот в этот момент до меня доходит: такое все «грабовое» и в самом деле уже было в нашей жизни, вспомните! Болью, горем людей уже торговали, как нефтепроводом. Политические персоны, партии получали в итоге голоса на выборах, политические технологии – «боледоллары». Сразу после московских взрывов на Каширке и на улице Гурьянова началась вторая война в Чечне. Очень важно понять сейчас, что в тот период переживало большинство населения страны, вспомните: люди менялись прямо на глазах. Образованные и вроде бы как бы считавшиеся глубоко порядочными на полном серьезе говорили о том, что надо заасфальтировать Чечню. Эмоционально разделяли брошенную в массовое сознание мысль о том, что все чеченские дети – будущие террористы. Этот наркоз, конечно же, скоро отошел, «чеченская доза» сегодня уже недостаточна, но людям, подсевшим на манипуляции, на быстрые решения любых проблем, невозможно справиться с ломкой самостоятельно.

Есть такая древняя мудрость: к большим поражениям, провалам мы подходим мелкими шагами. И если мелкие сдвиги, отклонения кем-то программируются, выстраиваются в последовательную систему, человек нечувствительно переходит в иное качество.

– Здесь необходимо проведение психолого-психиатрической экспертизы, – говорит сегодня в той же телепередаче с Грабовым известный независимый психиатр Юрий Полищук. – Я выдвигаю гипотезу о том, что психически не совсем здоровый человек с определенным развитием, которое представляет из себя, скорее всего, бредовую систему, индуцировал большое количество людей. И высказывания таких людей также свидетельствуют об их психической индукции...

Он же чуть позже выкрикивает:

– Реклама оккультизма, мистики, экстрасенсов – пора прекращать этим заниматься, потому что грядет массовая психическая эпидемия.

Это, конечно же, можно прекратить, но люди сегодня уже сами ищут тех, кто поможет снять порчу и заасфальтирует врага. Предложение даже уступает спросу.

* * *

– Глубоко травмированными людьми манипулировать легко, – сказал мне уже после телепередачи политолог Максим Шевченко. – Для меня между политическими технологиями и Грабовым нет практически никакой разницы. Только что первые умнее второго. Но работают они в одном и том же пространстве, они тоже магически разводят население страны. Они не позволяют переработать горе, а это важнейший внутренний психологический процесс, как для отдельного человека, так и для нации в целом. Мы говорим о погибших детях Беслана – это безусловный траур. Но мы не говорим о десятках тысяч погибших и искалеченных детей Чеченской республики разных национальностей. И отношение такое – как к гражданам не своей страны, а страны-противника – это отношение конструировалось в Москве, кремлевскими грабовыми.

– Но то, что конструируется сегодня, преподносится с нарочитой какой-то небрежностью, выглядит чудовищно нелепо, шито грубыми, крупными стежками, белыми нитками. Ощущение такое, что эзотерические вещи, с одной стороны, и всевозможные партии, общественные движения – с другой, лепятся по одной и той же выкройке:

верну мужа, выхожу в астрал, оживлю погибших, – это же нарочитое упрощение, намеренное. Но возьмите лексику, к примеру, движения «Наши» – тот же астрал... Почему именно сегодня это все работает?

– Когда происходит девальвация смыслов, на их место приходят технологии смыслов придуманных. Это все работает потому, что достиг своего апогея кризис проектного мышления. Надежды перестройки обернулись блефом, кровавой бойней, войной десятилетней, социально-экономическим расслоением. В том формате, в каком сейчас страна существует, у нее нет будущего. И отсутствие проекта нашего общего будущего прячется в движении технологических симуляторов типа движения «Наши». Там, конечно, используются разного рода технологии. Это видно даже из их текстов. Людям дают ключевые мифологические точки: великая победа, великая страна, мораль и нравственность, необходимость противостоять Западу. В чем разница между реальной жизнью и виртуальной? Все так же в жизни: у нас была великая победа, великая страна и, наверное, надо в чем-то противостоять Западу, но, с другой стороны, у страны и у великой победы была изнанка, а у Запада есть чему учиться. Но поводыри ведут своих овец, во-первых, не позволяя размышлять, а во-вторых – всегда на бойню.

– Может быть, дело в том, что все больше и больше людей оказывается в стороне от жизни, в психологическом небытии, не для них «играет туш, горят глаза...». Система ценностей же тоже резко изменилась, человек, делающий содержательную какую-то работу, проигрывает тому, кто быстренько похватал внешние эффекты и сделал себе рекламу. И, может, выход для многих – эмиграция в тот же астрал?

– Отсутствие путей построения будущего всегда приводит людей в психологический и интеллектуальный коллапс, обесмысливает реальность. Тогда псевдореальность, мифологический формат, иллюзии становятся более важными, чем жизнь. Это политическая и социальная наркомания. Люди, которые маршируют, которым достаточно знать какие-то фетиши – это не люди, а материал, их завтра пошлют умирать за нового Сталина, за Грабового. Или за какие-то смыслы, которые придумает такой же грабовой, обслуживающий какие-то форматы власти, Павловский, к примеру, или Белковский, там много у нас таких же грабовых смыслопроизводителей.

Это бизнес на заведомо гибельном для людей пространстве. Жизнь может заполняться любовью, надеждой, дружбой, но она также может заполняться галлюцинациями...

* * *

В конце телепрограммы Андрей Малахов, перекрикивая свою, как всегда, наверное, самую шумную из всех аудиторию, обратился напрямую к Грабовому. Он сказал, что если бы не дорожил местом работы, то прямо сейчас, в прямом эфире ударил бы его. То есть морально – ударил. Но канал, на котором работает Малахов, чуть ли не ежедневно показывает нам картинку уничтожения террористов. Вы замечали? Это, правда, происходит чуть ли не каждый день – в центре какого-нибудь города Северного Кавказа идет перестрелка, обязательно загорается дом и боевики уничтожаются. Вот просто, как кролики на удава, идут боевики в центры городов, селятся, вооруженные до зубов, в обычных квартирах и ждут штурма. Я бы сделала из этого сюжета такой своеобразный тест на наличие в каждом из нас духовного иммунитета против разного рода технологий. Если вы, посмотрев в блоке новостей такой сюжет, получаете всякий раз сигнал о том, что вас надежно защищают, что с терроризмом идет планомерная, систематическая борьба, потому что боевиков уничтожают партиями, как гриппозных кур, вы – потенциальный адепт какого-нибудь культа. Не важно какого – социального, политического, религиозного...

ГОЛУБЬ, ЛЕТИ! Как мы вдали прохажив

Девушка, одиноко кутившая на скамейке (Наташа, секретарь-референт, 19 лет), отрезировала еще веселее:

– Я вообще-то могу поехать с вами прямо сейчас.

Мы сломались. Потеряли бдительность и с очередной рекрутируемой начали с места в карьер:

– Вы, наверное, верите в Бога? Мы хотели вас пригласить...

– Есть два вида проституции, – резко сказала она, не дослушав, – телесная и духовная. Вы сейчас подошли ко мне со вторым предложением. Это непристойно. Вера, как и любовь, дело личное.

– Мы просто подумали, вдруг вы хотите... – попытался оправдаться Володя. И осекся, вспомнив ее сравнение.

Двухтысячный год. Это сегодня в лексическом нашем гардеробе слово «теракт» заново до дыр. А тогда – первые взрывы, ужас не точечный, а общий, миру – «нет», войне – «да».

...Популярный ведущий беседует на ОРТ с Щаранским, занимавшим в ту пору должность министра внутренних дел Израиля. И не столько даже беседует, сколько просто считывает информацию, ловит каждое слово: он весь – внимание. Щаранский говорит, что как бывший правозащитник очень высоко ставит ценность соблюдения прав человека, так как это – вопрос качества жизни. Защита прав – самое важное, но есть одно только дело, которое важнее, – защита самой жизни. Ответственность момента вытягивает ведущего в струнку. Он замирает, боясь спугнуть такое откровение. Запад кричит о нарушении прав мирного населения Чечни, но там, на Парламентской ассамблее Совета Европы, никто из уполномоченных высокопоставленных наших «ответчиков» не смог подыскать нужных слов: защита жизни – важнее прав. Никто не смог, а у него в студии слова найдены. Сказаны.

Есть такие люди: они уже встроены в официальную линию, но немного мучаются из-за нехватки морального алиби, каких-то духовных подпорок. Слова Запада: «Россия неадекватна в своем отпоре террористам», «гуманитарная катастрофа» их слегка ранят, а вот Израиль в лице Щаранского врачует царапинку: разве на Западе есть такая опасность для жизни? Нет. На тот момент – нет, еще целы в Америке башни-близнецы... С терроризмом «по-настоящему столкнулись только» Израиль и вот теперь Россия. С угрозой жизни целым городам. А значит, любая мера адекватна.

Такие слова – указатели к единственной, может быть, тропке из тупика психологического дискомфорта. Тогда же (повторюсь, – это год двухтысячный, еще не избран президентом Путин и только-только началась вторая война в Чечне) мы и решили пойти по этому пути, поискать выход. Проверить: есть ли он и в самом ли деле там?

– Добрый день! Вас приветствует радиостанция «Эхо черного пиара». Мы находимся неподалеку от станции метро «Маяковская», на наших часах полдень, и мы сейчас видим очаровательную даму. Будьте любезны, ответьте: вы слышали последние новости?

– Я? Как? – Женщина лет «от тридцати пяти до пятидесяти» в малиновой дубленке поправляет очки в дорогой оправе. Она явно смущена и польщена.

– Представьтесь, пожалуйста, – вежливо, но достаточно деловито требую я.

– Валентина Никитична Тарасова, бухгалтер, – неуверенно произносит интервьюируемая, – но... Я не знаю. Это прямой эфир? Я-то так не очень умею говорить.

– У вас замечательно получается, – вступает в роль психолог Владимир Крысенко.

– Правда? – радуется женщина. – А что надо говорить? – И поправляет прическу.

– Вы, конечно, уже слышали обращение исполняющего обязанности президента России Владимира Владимировича Путина к соотечественникам, – бодренько произношу я, не обращая внимания на ее отрицательное мотание головой. – Он сказал, что только что получены неопровержимые доказательства: теракты в Москве были совершены намордоранцами.

– Кем? – потрясенно переспрашивает Валентина Никитична.

– Странно, что вы до сих пор не в курсе, вся страна уже горячо обсуждает этот факт, – с укором говорит Володя. – Сейчас решается главный вопрос: вывода войск из Чечни.

– Кошмар какой!

– Почему кошмар?

– Ну как почему? Почему! Опять поражение! Опять отзывают войска! Наглость какая. Предательство!

Какая-то компания притормаживает шаг, вслушивается...

– Вот нам и нужен глас прохожих, – говорю я как можно тише, – ваш в данном случае глас.

– Мое мнение: от Путина народ отвернется. Мы-то поверили, что защитит, что такой энергичный. А он сдается, – сразу, не задумываясь, выдает Валентина Никитична.

– Но поймите, – тоже теперь уже приглушенным голосом говорит Володя. – Он не сдается, он теперь будет защищать нас от намордоранцев.

– А они не чеченцы? – с угасающей надеждой в голосе спрашивает она.

– Да ну что вы! – возмущается Володя. – Вы что, совсем не учили в школе географию? Намордорания – небольшой полуостров Ахинейского залива.

– А, да, да, да... – как-то удивительно правдоподобно припоминает женщина.

– Уже объявлено: нашим войскам будет дан двухдневный отдых дома, а потом они будут направлены на войну туда, – говорю я.

– Ужас какой... – повторяется женщина. – Но никак нельзя сейчас выводить войска из Чечни. Там-то ведь тоже надо додавить гадину в ее логове.

– Понятно, – сочувственно кивает ей Володя. – Но тут ведь что выяснилось: гадина не в Чечне.

– А Басаев? – вдруг находится женщина. – И араб этот, друг его?

– Ну, они, может, и гадины, только к взрывам жилых домов в России не имеют отношения... То есть угрозы терактов с их стороны нет.

– Нет угрозы нашим жизням с их стороны, – уточняю.

– И что? Это повод войну прекращать? – вдруг как-то совсем уже запальчиво вопрошает дама. – Повод? Вот только что начали и снова назад, да? Знаете что, я вот как скажу: не надо с той страной, как там название... ну... не надо никаких с ними боевых действий. Пусть у нас кому положено с ними разберутся – дипломаты, спецслужбы. Кому положено. А войска должны воевать в Чечне – я вот так скажу.

– Но почему? – не понимаю я.

– Потому что все испоганили! Раньше вот таксопарк – престижнейшее место работы было. Так? Очереди выстраивались, чтоб в такси сесть. А что теперь! Никто не садится. У мужа выручка – слезы, а не деньги. И зря Путин... Мы-то верили... Он если в Чечне не победит – не будет ему поддержки... Не выберут его президентом!

– Спасибо, – говорю я, и Володя опускает микрофон. – Мы должны вам кое в чем признаться. Это розыгрыш. Никаких сообщений Путина не было.

Она явно не знает, как реагировать. Смотрит тревожно.

– Цель у нас, поверьте, безобидная, – мягко улыбаясь, говорит ей Володя. – Нам надо понять: люди, поддерживающие сегодня войну в Чечне, чем они руководствуются? Если

защитой от терроризма, то как они отреагируют, если неожиданно и от имени авторитетного для них лица им заявят, что за теракты в России несут ответственность совсем другие люди?

– Ну как отреагируют... – эхом отзывается Валентина Никитична. – Как?

– Вариантов много. Может, предложат извиниться перед мыкающимися по палаткам людьми, чьи дома уже разбомбили...

Она не дает Володе договорить:

– Что-о? Извиниться? Да вы... – Машет рукой. Резко повернувшись, делает пару шагов в сторону. И, будто передумав, останавливается. Вполоборота:

– Что с этим-то народом теперь будет? Как их там... На полуострове? Намара... как там их?

– Да нет такого народа, – устало говорю я.

Она хмурится и уж не знаю о чем думает. Уходит в явном раздражении.

– Ну, – говорю я напарнику, – будешь комментировать, психолог?

Он пожимает плечами: какой тут комментарий?

Комментарий психиатра, психотерапевта Марины ИГЕЛЬНИК:

– Знаете, до парламентских выборов двухтысячного года у меня был огромный наплыв клиентов. И я отмечала такой общий тревожно-депрессивный фон настроения у людей. Они находились во внутренне небезопасном для себя состоянии. Проблемы личные: разводы, измены – все усугублялось вот этим общим фоном безысходности и непонимания – что будет? Многие жаловались на психологическую атаку с телеэкрана. После этой атаки они себя ощущали как парализованные тараканы, побрызганные ядовитой жидкостью. И вот всех этих людей как-то успокоил фактор Путина.

То есть проблемы у них остались те же, и эти проблемы во многом отражают состояние общества. Желание, чтобы кто-то пришел и что-то за них сделал, ощущение себя жертвами, вера в то, что есть человек, который точно знает все, – мудрец, советчик, защитник... Почему Путин, он ведь пока никакой? Трудно же судить о человеке, который себя никак не показал, кроме как тем, что начал вторую войну с Чечней. А потому Путин, что общество сегодня, на мой взгляд, находится в доэдипальном периоде (так называют возраст ребенка от трех до шести лет). Мама не пришла, не накормила – страшно. И нельзя нас без пригляда оставлять, мы что угодно натворим, что-нибудь сломаем, пуговицу проглотим. Да еще чужие дяди нас обижают. «Мы накормим, присмотрим, догоним чужих дядей, накажем, отнимем, вам раздадим», – слышат они во всем том, что говорит Путин... Он дал им образ виноватых – для движения, для ощущения собственного смысла жизни, которого у них не было. Вся политика на этом играет, к сожалению. На вот таком инфантилизме народа.

...Компания – трое мужчин, которые явно пытались прислушаться и явно хотели дать интервью, – куда-то делась. Мы поискали, но не нашли.

– Знаешь, давай больше не заговаривать с одноклеточными, – взмолился Володя, остановившись у филармонии. – Продолжаем беседу, если только человек мыслящий. Идет?

– Тогда нужно забыть про Намордоранию, – внесла я ценную коррективу, но он уже подался вперед. С афиш списывал что-то себе в блокнотик молодой человек в длинном черном пальто.

– Добрый день. Вас приветствует радиостанция «ЭЧП».

– Привет, – отозвался парень и глянул с нарочитой скукой.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросила я, поднося ему микрофон.

– Иван Андин. Род занятий надо? Ну... Образование гуманитарное, а работа – не очень.
– Не гуманитарная?

– Нет, как ни крути. Э... то есть не то, что вы подумали. Без криминала. Понимаете меня, да?

– Замечательно, – сказал Володя. – Ну и что вы думаете по поводу заявления Путина?

– А что такое он там заявил? – теперь уже не нарочито, а совершенно искренне поскучнел интервьюируемый. Но выслушал внимательно.

Намордोरанию Володя в своем рассказе совершенно неожиданно для меня заменил на Украину. И горестно добавил:

– Представляете, мне-то каково? Я ж сам украинец. У меня там мать живет, в Киеве. Начнут теперь бомбить...

– Маразм, – спокойно и задумчиво сказал явно невпечатлительный Иван. – И посмотрел на часы. – Да вы не расстраивайтесь, это, по-моему, очередная утка. Ясно ж было с самого начала: никаких следов чеченских. Уж как носом землю рыли – не нашли. И с Украиной вашей так же будет. Кому выгодны были эти взрывы, я думаю, всем ясно. Все аккуратно к выборам состоялось. Явная заказуха спецслужбам. И дрожжи для Путина. Просто люди убирают в подкормку то, что не положено понимать, а думы думать стараются те, что культивируются... Понимаете меня, да?

– Ну, – укоризненно говорит Володя, – такие вещи нельзя утверждать без доказательств. Существует презумпция невиновности.

– Но почему она не существует для Чечни? Покрошили там народ, дома, положили наших пацанов – и что? – Он говорит и снова смотрит на часы.

– Торопитесь?

– Да нет. Я тут жду... Но пока нет человека, можно и поговорить. А когда это Путин с заявлением выступил? Утром? Вот, кстати, странная вещь... только можно это не записывать? Понимаете меня, да?.. Спасибо. Так просто скажу вам: очень странная вещь. Вроде бы все мне ясно – на каких адских дрожжах вырос Путин, что это за кот в мешке, что если ты человек, то не должен вот так вот грубо навязанное принимать. А я его уже принимаю, даже симпатизирую. Прочитал, что подал Путин руку подвыпившему Ширвиндту, развернул свою свиту и отправился с артистом пить в театральный буфет, – рад. Узнал, что, вернувшись из Германии, он разыскал друга, который когда-то его выручил, помог, – и опять рад. Вы фильм смотрели с Аль Пачино в роли дьявола? Он там шепчет: сбрось с себя эти кирпичи чувства вины. Дьявол мне шепчет? Вот ненавижу умом Путина, а магия какая-то есть...

Комментарий психиатра Степана МАТЕВОСЯНА:

– Я вижу Путина как человека с действительно выраженным комплексом неполноценности. Обычно такой человек кривит губу, хочет казаться круче, взгляд у него холодный. Он не может быть симпатичным по восприятию. Любой человек, который занимается определенным видом деятельности, имеет вокруг себя, ну, не ауру, а информацию, он носитель какой-то культуры. А профессиональный шпион – он ведет беседу иначе, думает иначе. Его обучили врать так, чтобы при этом не краснеть. Была такая передача, в которой его бывшая соседка вспоминала его детство и говорила, что он был положительным, но дети его не любили. Это интересно, потому что детская интуиция обычно очень точная.

И вот такой человек-маска – самый реальный кандидат в президенты, и нормальная человеческая психика начинает защищаться. В психологии это называется рационализацией. Простое понятие: включаются механизмы, направленные на психологическое оправдание объекта, от которого невозможно избавиться, или ситуации, с которой реально столкнулся. Вы

купили автомобиль красного цвета, а вам говорят: надо было белого, белый в жару отражает лучи солнца. Но вы уже купили красный и подсознательно ищете информацию, которая бы оправдала ваш выбор. Вот говорят: для тумана хорош красный цвет – и вы это ловите. То же и в отношении к Путину. Это наша адаптация...

...Мы уже давно сдались и рассказали Ивану про эксперимент. Он посмотрел на часы и только после этого погрозил нам пальцем. Объяснил, что давно ничему не удивляется, даже если бы сказали, что у Путина мать чеченка. Добавил: «Легко верю любой новости. Реальность-то у нас виртуальная, понимаете меня, да?»

Мы понимали только то, что человек, которого он ждет, уже вряд ли появится. Но он ждал и все старался как-то снова завязать разговор, чтобы мы не ушли. И мы не ушли.

Он полубоопытствовал: «Часто так экспериментируете?» Мы ответили: «Со времен секты “Аум Синрикё” – помните, с ее именем были связаны теракты в японском метро? Мы тогда с Володей прикинулись вербовщиками секты, которую назвали “Заумь Бесиё”, и пошли по московским улицам проверять духовный иммунитет сограждан».

«Завербовали?» – поинтересовался он и посмотрел на часы. «Многих», – ответили мы и немного поговорили про секты. Так, просто, чтобы помочь ему скоротать время до встречи с человеком, которого он ждал. Иван пожал плечами:

– Не знаю, по-моему, если ты не хочешь, тебя никто куда не заманит, будь то секта, будь наркота.

И тогда мы стали ему рассказывать то, что объяснял нам раньше конфликтолог, консультант по проблемам защиты от психологического и духовного насилия Женя Волков.

Про техники контроля сознания. Например, групповое давление через игры, подобные детским, через пение, объятия, прикосновение и лесть. Через изоляцию. Про способы, останавливающие мышление: монотонное пение, повторяющиеся действия. Про то, что многим кажется, будто поддаться этому могут только люди неопытные, но это не так. Одна американская ученая долгое время изучала приемы, которые применялись в некоем скандально известном культе. Люди, попадавшие туда, сходили с ума, кончали жизнь самоубийством, покушались на жизнь своих близких. И вот она решила провести эксперимент. Прикинувшись человеком с улицы, дала себя «уговорить» и уехала с ними за город. И первое, что она спросила у нашедших ее на третий день коллег, было: «Пожалуйста, напомните: а что там у них плохого?»

– Точно как я... – неожиданно вставляет Иван и не смотрит на часы. Он вообще о них, кажется, забыл напрочь. – Три дня болел, ни с кем не общался, телевизор смотрел. А через эти три дня и сам бы спросил: напомните, что там я вам плохого говорил о Путине? И...

...Перчатки больше не греют, руки мерзнут. Иван в этот момент выглядит отстраненно-ошарашенным.

– Ну... – говорит он и тянет, тянет паузу. – У меня жена вторая, ей всего двадцать лет. А мне 32, понимаете меня, да? Такая девчонка была... И точно, как будто в ней программы подменяются! Она так жутко стала рассуждать... Как будто не она, а двойник ее рассуждает!

Мы молчим. И не то чтобы деликатно ждем, когда он снова вспомнит про нас, а просто каждый от его слов нарывается внутренне на какую-то собственную боль.

– Вот ты представь, не кто-нибудь, а мой коллега, умничка, светлая голова! Я всегда ему верил как себе, – рассказывал мне пару дней назад Володя. – И он – не кто-нибудь, а он! – вдруг изрекает: «С психотерапевтической точки зрения войну нельзя останавливать. Нам нужна эта победа. Иначе комплекс неполноценности будет развиваться. Это – целебная война!» Представляешь? Жареный лед! Доброе убийство. Сухая вода. Психотерапевт, елки...

...Если есть хотя бы два ряда – можно перестроиться из одного в другой. Но если второй ряд – встречная полоса, маневр убийствен, это добровольная авария. Грустная вещь – отсутствие маневра. Безличные глаголы сразу вспоминаются: моросит, смеркается. Кто это делает? А нет существительных. Глаголы есть, но они как бы никем не управляются. Нельзя спросить напрямую: «Кто смеркается?»

И – вы заметили? – побежали носороги. Прямо по городу. Творят что-то неожиданное и ужасное. Почувствовали? Ну да, непостижимым, необъяснимым каким-то образом, и как-то вдруг носорожьих признаки стали проявляться не где-то там, а в кругу уже ваших знакомых. Сначала этот. Потом вон тот. Потом сосед, коллега, родственник – носороги! Большинство! И те, кого это отвращало, теперь задумались: а может, это хорошо? Нормально? Ведь не в абстрактном городе, как в пьесе Ионеско, а в Москве – бродит, вращается, прокручивается что-то такое безлично-чудовищное в неопределенной форме. И все-то оно подобрало, и все-то в себя вобрало. Пожирнело. Пробежавшее где-то бесстыдство взяло с радостью (а все летели-плыли-ехали, прибывали. А всем срочно надо было сказать пароль: «Путин». «Свои, значит? – уточняли у вчерашних врагов. – Ну, проходите»). И уже спокойно-гордо-степенное безобразие – тоже вобрало (вовсе там был не Боярский. Там образ д'Артаньяна спекулировал девизом «Все за одного!», спекулировал потому, что этот один, за которого все, – не мушкетер вовсе. И никакой не Райкин, а Гамлет самим фактом своего присутствия сообщал, что «быть или не быть?» – для него не вопрос больше. Быть, но как, чтобы уж очень качественно? – вот в чем вопрос. И чтобы не в массовке единодушно голосующих, а так, чтобы эпохально. Как? Тень отца призвать не грех, всем сообщить просто: «Буду полезен»). И доблестную беспринципность – подобрало («А в чем здесь преступление?» – спросил Марк Захаров). Вбирало-подбирало и прорвало тоненькие рамки приличий, в которые мог раньше как-то уместиться цинизм. А стал беспредельным – и нет больше рамок, выброшены за ненадобностью, и все «можнее и можнее» то, что непорядочно.

– ...Какой хороший! Ждет до сих пор! – Девочка-жена виснет на Иване и тараторит без умолку: – Я к маме заскочила. Думала – на минутку, но ты же знаешь маму, она...

– Познакомься, – перебивает ее Иван. – Радиостанция... как вы сказали? У тебя могут взять интервью.

– Здорово. А о чем? Спрашивайте. Ну спрашивайте!

Володя смотрит на Ивана с укоризной и с явной неохотой достает из сумки микрофон. Мы спрашиваем.

– Да хоть инопланетяне... какая разница, кто взрывал? – говорит она, не меняя интонации. – Людей с Гурьянова и Каширки не оживишь, а чечены все еще живые. Их надо было с самого начала всех взорвать. Чтоб и беременных всех, чтоб они не плодились... Вот Ивашка отворачивается, он у меня гуманный. А я мыслю здраво – если всех мужчин-чеченов перебить, родятся новые и будут без отцов. И наши станут их жалеть: ах, бедненькие сиротки. А когда они вырастут...

Я улыбаюсь. Володя смотрит на меня с беспокойством. А я вообще-то просто анекдот вспомнила. Ковбой там говорит ребенку: «На конфетку, сиротка». – «Я не сиротка, вон мой папа, вон там моя мама». Ковбой целится из пистолета, убивает папу с мамой и поворачивается к ребенку: «На конфетку, сиротка»...

– Она не была такой, – нервничает Иван. – Это что-то совсем непонятное, почему она так. Вам трудно представить, вы ее не знали раньше...

– А я, в смысле, тормоз, да? – вглядывается в наши лица девушка. – Вы, в смысле, за чеченов? Ну... я типа пошла тогда и все такое.

– Девушка, – говорит Володя, – понимаете, в каждом народе есть, кроме бандитов, другие люди. По-другому быть не может. Кто-то лечит, кто-то учит, то есть существуют чеченцы врачи, учителя, плотники, клоуны... И дети растут не только у бандитов, но и у них.

– Нам нужна победа над ними, – говорит девушка.

«Спартак» – чемпион... Напомните мне, кстати, что это мы там несли такое про моральный дискомфорт? И есть ли в действительности такие слова? И что там было про Израиль?

Володя прячет микрофон. Бездна – это значит без дна, а без дна на самом деле только небо. Кто это говорил? Иван смотрит в небо.

– У нее на самом деле добрая душа, – говорит он и все еще смотрит в небо. Что он там видит: душу девочки-жены? Что там делает ее душа? Смотрит на красивое тело, которое переминается с ноги на ногу и спрашивает:

– А как ваша радиостанция называется?

– «Эхо черного пиара».

– Очень приятно. А меня зовут Елена Андина.

Иван смеется. Говорит: «Она еще очень юная. Понахваталась...»

Мы тоже думаем: может быть, это все – пока только клиническая смерть. Может, спасется...

Глава 2 ЗААСФАЛЬТИРОВАННЫЕ

(Как мы жили два первых года после выборов)

Подлодка? Она утонула...
Телебашня? Сгорела...
НТВ? Свернулось...
Появилась газета
«Мой любимый президент»...
На границе «зароились»
талибы...

ТАМ ЛЕШИЙ БРОДИТ...

Будто сбежали из мест заключения старые символы, которым, казалось, давным-давно уже был вынесен смертный приговор. Топчутся в сегодняшней лексике недострелянные и где-то в стороне от нас откормившиеся, ставшие вдруг снова весомыми слова: Дзержинский, единомыслие, прослушка, дезинформация, диктатура.

Не верится. Как будто говорят: «Леший бродит, вот его следы». И ты видишь: да, следы есть, но... в лешего верить – это выше сил. И почему-то не страшно и не смешно, а как-то смертельно скучно. Настолько, что поневоле прислушаешься к тем, кто говорит о дистанционном управлении человеком, зомбировании, каких-то излучениях, влияющих на наши решения. Увлекает. Легче и даже приятнее думать, что все происходит не по вине людей, а по результатам какого-то тайного применения к ним кодирующих технологий.

Мой собеседник, генерал-майор, прослуживший более четверти века в КГБ, Николай ШАМ знает такие технологии досконально.

– **Николай Алексеевич, я много слышала о вас как о человеке, хорошо разбирающемся в эзотерических вещах, вы работали в этом направлении, контролировали его. Поделитесь секретами. Очень хотелось бы знать: были ли мы предметом какого-то нетрадиционного воздействия, к примеру, в те недавние времена, когда нас активно называли электоратом?**

– Не думаю. Вы предполагаете тонкие и очень сложные миры, а ведь чем грубее интеллект, тем проще методы. С электоратом все было предельно просто, вы же сами это хорошо знаете. Люди доведены до такого состояния, когда они просто вынуждены бороться за свое выживание. Общественное сознание опущено. Государство устанавливает такие правила игры, при которых человек вынужден идти на запредельные какие-то вещи, чтобы прокормить семью. Есть фактор просто биологический: человек должен съедать столько-то того-то. В СССР в среднем приходилось на душу населения 70 кг мяса, сейчас, дай бог, в среднем 20.

– **«Мясо на душу» – странно это как-то звучит. Почти так же несочетаемо, как рассказанная недавно телеканалом НТВ история гибели в Чечне 39-летнего контрактника из Кузбасса. Он успел прослужить всего два месяца, и гроб даже не уместился в шестиметровой комнатке общежития, в которой ютилась его семья. То есть человек шел воевать только потому, что мечтал к сорокалетию получить квартиру...**

– В такой ситуации люди, конечно же, поддержат кандидата, который уже в период предвыборной кампании поднимает уровень пенсий, обещает повысить зарплату. Да плюс еще параллели и сравнения: разваливающийся на глазах Ельцин и энергично бегающий Путин – тоже фактор воздействия. Масса факторов, вы их сами легко перечислите. И зачем, скажите, нужны были бы еще и эзотерические способы?

– **Может быть, вы помните случай, когда лет семь назад один бывший народный депутат заявлял, что во время съезда он и его коллеги не могли понять, почему они проголосовали по какому-то очередному вопросу именно так, как проголосовали. В тот же день они почему-то долго не могли найти свои номера в гостинице, в которой проживали. Хотя были абсолютно трезвы. Тогда и родилась версия, что помещение, где они находились, было буквально напиговано аппаратурой, которая воздействует на психику. Я об этом вспомнила, когда совсем недавно в приватной беседе моему знакомому популярный актер (не будем его называть) повторил все то же самое. Незадолго до парламентских выборов 1999-го года он выступал со словами горячей поддержки Путину, а уже на следующий день не мог понять не только почему он так говорил, хотя делать этого как бы не собирался, но и как он вообще оказался в том самом месте. У**

него сложилось твердое ощущение, будто им управлял какой-то радиоголос и он ему подчинялся, как зомби.

– Понимаете, мы все зомбированы в известной степени, но это вовсе не значит, что к нам применяется какая-то специальная аппаратура. Вот на вас цепочка, и вы, конечно, уверены, что она золотая, а на самом деле это может быть сплав простых металлов. Сегодня огромная сеть ювелирных магазинов впаривает их покупателям как золото. Вот идет реклама лекарства, вы ее не слышите, то есть это вам так кажется, что вы не вникаете в нее и не относитесь к ней серьезно. Но когда заболеваете – бежите в аптеку и приобретаете именно его.

– Все это, конечно, влияет на подсознание, но не настолько, чтобы человек вдруг оказался там, куда ехать вовсе не собирался.

– Но это – сложнейшие технологические системы, в которые закладываются и цвет, и речевое воздействие со специальным подбором символов. И эти технологии применимы практически для всего: с их помощью можно развязать войну, начать бизнес, выбрать в президенты страны монстра.

– Можно настроить общество на идею, что все беды России исходят от женщин, предпочитающих в одежде красный цвет.

– Можно, и это я говорю совершенно серьезно: массовое сознание нашего общества сегодня очень легко обработать, людям можно внушить любой абсурд, не прибегая для этого к тонким технологиям.

– Ну, допустим, сегодня это так. Но вам-то, наверное, приходилось заниматься технологиями более тонкими – в советские времена, когда вы работали в КГБ?

– Я служил в органах с 1966-го по 92-й год. В центральный аппарат попал в 74-м, как раз в эпоху космических полетов, шла тогда еще программа «Союз – Аполлон». Что входило в сферу деятельности контрразведки, к которой я принадлежал? Закрытые виды связи, оперативно-технические подразделения, военные комплексы, погранвойска – вопросы чрезвычайных происшествий, поиск вредителей, агентуры противника, контроль режима секретности оборонной промышленности. Потом в мою сферу попала и атомная энергетика. Десятки институтов занимались такими вещами, которые просто необходимо было жестко контролировать. К примеру, СВЧ-излучение. С одной стороны, все знают, как оно вредно для человека. С другой – такая аппаратура активно создавалась для хозяйственных нужд: стерилизации пива, сохранения продуктов... Но кто гарантирует, что человеку, который этим занимается, не придет в голову взять и сделать СВЧ-генератор для каких-то других целей? Действие СВЧ человек ощущает быстро, но есть еще масса других генераторов, локаторов, а это излучения, которые можно использовать в прикладных каких-то целях. И они разрабатывались.

– И применялись спецслужбами?

– Многие государства занимались разработкой эзотерических вопросов, пытался это делать и Советский Союз. Но не забывайте, что у нас был мощнейший военно-промышленный комплекс. Ни одна страна мира не имела аналогов такому монстру: мы запускали в космос ежегодно более ста спутников, в то время как США – 15. У нас на вооружении находилось одновременно до 15 типов стратегических ракетных комплексов наземного базирования, до 15 типов базирования морского. У США – всего три типа. Ядерный потенциал Советского Союза был достаточен, чтобы уничтожить земной шар 200 раз! Возьмите другие сферы, химическое, к примеру, оружие. Мы до сих пор не знаем, что делать с огромными запасами, оставшимися с тех времен арсеналом, – металл ржавеет, герметичность постепенно нарушается. Разрабатывались такие сверхоригинальные вещи, что капельками можно было бы уничтожить чуть ли не половину земного шара как такового. Подумайте, только представьте на секунду: наличие всего этого – и тут вот, значит, эзотерика пугает. Я

знаю, многие сегодня говорят об этом всерьез, но только вдумайтесь: более половины населения страны было занято в военно-промышленном комплексе, занято разработкой и созданием средств уничтожения человека, и это никого не пугало.

– **Психологически это вполне объяснимо: угроза земному шару – отчужденная угроза, абстрактная. Человека всегда пугает то, что непонятно и что могут применить к нему конкретно. Могут ли его, к примеру, запрограммировать так, что он, ничего не зная, не ощущая, не видя, начинает выполнять чью-то, а не свою волю? Применяются ли к людям такие методы сегодня?**

– Конечно. Это опять же излучения: лазерные, инфракрасные, ультразвуковые, СВЧ, КВЧ, миллиметровый диапазон, их комбинации. Есть методы информационного переноса, когда свойства, к примеру, лекарств переносят на какие-то носители – воду, олово, воск, на какой-то предмет, которым человек пользуется. Воздействовать на психику человека можно чем угодно: цветом, к примеру. В вашем кабинете кто-то подбирает определенную цветовую гамму или частотные колебания, которые воздействуют на глаз, и через некоторое время с вами могут начаться серьезные качественные изменения. Общеизвестна резонансная аппаратура немецкого доктора Фоля. Существуют сегодня специальные каталоги частот органов человека, к ним можно подобрать соответствующие излучения, гармонику и поменять пульсацию сердца, частоты печени, мозга.

– **Можно так влиять на расстоянии?**

– В том числе и на расстоянии, если поставили кому-то датчик. Ведь человек реагирует на все: в зависимости от обстоятельств у него меняются тембр голоса, влажность кожи, цвет лица, и по излучению, по электромагнитным колебаниям можно все о нем знать и программировать. Существует еще очень опасная форма гипноза – человек становится абсолютно управляемым. Ему могут внушить любую программу действий, которая может быть введена в любой момент. Позвонили, сказали в процессе разговора ключевое слово, и все – программа начала работать. Это может быть сигнал и другого типа – цветовой, болевой, звуковой. Все эти технологии, к сожалению, доступны сегодня криминальному миру, находятся у него на вооружении.

– **Криминальные структуры обогнали в этом направлении спецслужбы?**

– После того как я уже ушел из органов (здоровье ухудшилось после работы в Чернобыле), меня пригласили в комиссию, которая проверяла, как идут начавшиеся тогда преобразования в КГБ. Мы тогда ставили вопрос о том, что общество создало и содержит этот институт, у которого есть специфические средства контроля в определенных сферах. И значит, государство должно жестко определить его функциональность. Один из самых важных параметров оценки – информационная составляющая. То есть КГБ отслеживает, выявляет какие-то негативные явления, процессы, обрабатывает эту информацию, анализирует и готовит соответствующее сообщение властям. Эта информация должна быть непременно воспринята, по ней должны быть приняты конкретные меры, и очень важна обратная реакция, оценка этой информации.

Чем еще определяется эффективность? Раскрытие преступлений, поимка шпионов. Так вот, 98 процентов седых полковников и подполковников говорили мне на тот момент, что они заняты вопросами контрабанды. А что это? Ну, кольцо, к примеру, кто-то не задекларировал, перелетая через границу. Вот вся работа. А информационные вещи можете показать? Что сделано? Все было пущено на самотек. Я недавно заходил к своим ребятам – все стало еще хуже. Они предоставлены сами себе и становятся постепенно заложниками системы: погрязли в кулуарных разборках, занимаются лоббированием. Представьте себе оперативника, который работает с агентурой, – это дело негласное, а значит, он должен жестко, системно контролироваться. Ничего этого нет, и люди в стенах бывшего КГБ заняты

сбором информации по нефти, металлу, газу. У них небольшие зарплаты... А вы говорите: «тонкие технологии»...

– **Вас, должно быть, веселят на этом фоне разговоры о возможном возврате 37-го года, о том, что возможны тотальная слежка за людьми, прослушка их разговоров.**

– Вы себе можете представить, какой должна быть затратная часть, чтобы все это обеспечить? Это просто невозможно. Как можно бояться возврата 37-го года, когда все у нас сегодня гораздо страшнее? Любой следователь прокуратуры может вас посадить, если захочет. Людей бросают на двухъярусные нары, где они по очереди спят, где нет никакой вентиляции, параша, бог знает какая вода и какая пища – миллионы загоняются в эту систему. И когда люди уже ломаются морально, инфицируются – их выпускают. И все это тиражируется, тиражируется.

Я не знаю, что страшнее: когда бросали в тюрьмы за политический анекдот – или когда за что угодно, если нет в кошельке денег. Ясно одно: сегодня жертв гораздо больше, чем это было в 37-м.

АСФАЛЬТ ДЛЯ ОЛИГАРХОВ

...Все наши тайны перерыли социальные технологии. Взломали души, перевернули в них все вверх дном, подняли пыль, грязь, инстинкты – убирай потом после них. Да и кому убирать, если удалось им выловить, схватить черты вековой, можно сказать, мечты российского человечества – вылепить ее, вручить нам. И что?

– Абсолютная апатия, усталость общества, – говорит психиатр Алексей Копылов.

Прошло четыре месяца, как всенародно избран президент. Август. Год 2000-й. Планета – Земля. Я прошу психиатра прокомментировать монолог давнего своего знакомого, спасателя по профессии...

Монолог спасателя:

...Вроде такая работа, она дает потрясающий моральный допинг – ты всегда на высоте, очень развито самоуважение. Я в последнее время стал это терять, стал себя самого ловить на каких-то подленьких мыслях, а уж чего-чего – подлости в нашей профессии нет, не держатся здесь гады.

Но откуда-то изнутри они поднимаются – подленькие мысли, не мысли даже – позывы, так будет точнее. Слушаю сводки из Чечни и умом понимаю: погано! Мор. Солдаты, дети, старики – все гибнут. Но жалко солдат, а дети и старики – их жаль, конечно, но жаль так, как вот в американских фильмах говорят при случае: «ай эм сори» – «я сожалею».

То есть только вслух, не внутри – потому что чеченцы же, может, и в самом деле, чем их меньше – тем лучше. Заложников брали, мучили, изгалялись. И самому себе: стоп! Да что ж такое? Если зависнет на высоком этаже малыш, разве стану я выяснять, кто он – русский или чеченец? Конечно, нет. Я полезу спасать, я сделаю все, чтобы спасти. А если знать буду, что это чеченский ребенок? Да полезу не раздумывая и, может, врежу на ходу тому, кто посчитает нужным мне это уточнить. Тогда что? Откуда? Почему? Да потому, что я сам вот этими руками разгребал то, что натворили взрывы на Каширке, в Печатниках.

Я разгребал, а по ночам водку жрал – глаза не мог закрыть, слезились, болели. И будто лампа внутри без выключателя – горит, горит! И я не знал, кто – чеченцы или нет, кто это сделал. Но указали нам: чеченцы сделали! И все, и пусть все они сдохнут!

Потом взялись за этих богатейших, как их там? Да, олигархов. И также был момент – ну изнутри, ну не знаю как: всех их в Бутырку. Пусть. Пусть сгниют, хорош жировать, дети валяются в обмороки в провинции, я это видел, ездил, знаю. То есть вот если бы голосование какое – я был бы «за»! Внутри, там, внутри себя. А умничать – это пожалуйста, я умом, конечно, понимаю: если пойдет эта волна – так сначала все чеченцы виноваты, потом все богатые, потом, может, и мы. И если так пойдет, так мы – все вероятнее, чем олигархи.

Всегда разберутся, откупятся те, кто в первых вагонах...

Будьте осторожны при выходе из последней двери последнего вагона.

(Из призывов в Московском метрополитене.)

– Так, а что? На антагонизмах всегда выстраивались популистские вещи, – комментирует психиатр Алексей КОПЫЛОВ, – когда нет духовной самозащиты, люди идут за дудочкой. Это и есть роскошное поле для манипуляций – люди, которым не хватает рационализма.

– **В них легко играть?**

– Есть кем играть – значит, будут играть. Когда пешек много, ими обязательно будут играть. Они потенциально провоцируют игроков. Вопрос не в том, какой у них король, вопрос – в количестве пешек. Чем их меньше, тем лучше: играть некем. Всего-то есть 3

– 4 варианта дешевого управления страной. Тоталитарный – самый дешевый: всех запугать, задавить. Громкие дела, допросы... И посмотрите на НТВ – бодро сражались, а лица теперь другие. Значит, прошло? Или все-таки – нет? А это так и делается: отрезками. Закидываются некие вещи: не пройдет – ладно, пройдет – пошли дальше. С не-пешками, с людьми зрелыми, мыслящими не проходит! Два у нас сегодня полюса. С одной стороны, рефлексированный страх: сейчас раздавят, посадят! С другой – хоть бы всех поскорее пересажали, перестреляли, хоть нормальная жизнь начнется... Один полюс чувствительный, другой – пофигистский, но агрессивный, яростный. И все это вместе взятое есть глубокая социальная апатия, трясина, усталость.

– **Как выходят из апатии?**

– Ну, есть примеры: как выходили Германия, Америка и как – Северная Корея. Есть вариант халявы: нами будут управлять, мы – люди маленькие. Это других обидают, а нас, людей добрых, если мы будем послушными, хорошими, нас не тронут, нас вытащат. Такая фишка: нам разрешат не иметь проблем и разрешат не думать. Что мы теряем при этом – вот о чем речь, и с чего это от нас вдруг так хотят пассивности – вот в чем вопрос.

– **Я смотрю новостные блоки достаточно серьезных телепередач и все чаще ловлю себя на ожидании, что в конце скажут: репортаж вели Ася Бякина и Вася Букин. Настолько все часто нелепо и бредово выглядит, что представляется глуповатой пародией.**

– А это не пародия, не прикол, это все серьезно. И газета «Мой любимый президент» – это серьезно. И ваш спасатель серьезен, когда говорит о голосовании: кто – «за» и кто – «против» того, чтобы всех богатых в Бутырку.

– **Существует такая точка зрения, что 37-й год сегодня невозможен хотя бы потому, что никакого финансирования не хватит, чтобы создать нужную атмосферу: тотальной слежки, прослушки...**

– Почему? Профинансируют – и будет; это все равно дешевле, чем делом заниматься. Поиск врагов – путь легкий и дешевый. И что там Чечня или олигархи – посмотрите на ситуацию с губернаторами. Не зарезали, не посадили, не ввели войска, но – пожалуйста, взяли и поделили все на новые административные центры. И что? Проходит? Надо понимать, что за годы боевого идиотизма появились огромные блоки, на которые всем было, грубо говоря, наплевать. Целые отрасли промышленности, униженная армия – забытый слой, который нуждается, чтобы о нем вспомнили. У них много агрессии, потому что она была придавлена. Не доехали до них олигархи, не вложили в них денег, не помогли им губернаторы.

– **Это и есть те 10 процентов, которые уже сегодня готовы заасфальтировать олигархов, а завтра, может быть, и губернаторов?**

– Мы говорим о манипуляциях, так вот то, что вы сейчас говорите, – применение одного из их орудий. Кто мне будет рассказывать, что я готов сделать, что я одобряю на 10 процентов, а что – нет? Я на 10 и 90 процентов не делюсь! Понимаете, неважно кто – орел Павловский или кто другой, – кто-то всегда будет закидывать эти манипуляционные штучки. Важно – проходит или не проходит. Проходит во многом еще и потому, что СМИ выступают в роли усилителей. Можно написать: «Раздался чих. Точка. Чихнул такой-то. Точка» – все. Нам же либо говорят, что «чих» был знаком, и высказывают по этому поводу массу версий. Либо называют как-то различные этапы. Назвали, разложили, взялись за следующий. Констатация фактов, пустопорожние рассуждения. Вот как вспышка на солнце – мы оценим, поймем эту вспышку. И никто не хочет понимать, что делать, чтобы вспышки не было.

– **А как это понять?**

– Любое перемещение пластов дает выброс агрессии. В обществе должно быть нечто цементирующее, чтобы ничего кровавого не произошло. Критическая масса должна быть достаточной.

– Многие говорят сегодня о том, что за президентом чувствуют себя как за каменной стеной!

– Кому нужна каменная стена, тому это хорошо. А мне-то кажется, не хотят люди за каменную стену. Вот и ваш спасатель – он тоже не хочет. Но не за что человеку зацепиться, чтобы устоять, не стать пешкой, не позволить кому-то в себя играть.

– Так за что же людям цепляться, для того чтобы их не передвигали, как фигурки на деревянной доске?

– Да за простой рационализм. Надо учиться думать. Вот идет посыл: диктатура закона. Это же просто игра на менталитете, без диктатуры никак было нельзя? Белые, красные, олигархи, пролетариат. Как будем думать: лучше бы эти съели тех, или те – этих, или – как сделать так, чтобы вообще никто и никогда никого не ел? Все под врагов устраивать – это не путь для выживания. Другие должны заработать механизмы, чтобы спасатель не терял самоуважения. Нельзя его бесконечно провоцировать, очень это опасная стезя – увлечение манипуляциями.

ВНУКИ ЖЕГЛОВА

Говорят, мы живем в смутное время. Нам так не повезло. Говорят, в каждой секунде смутного времени тысячи сюжетов, достойных Шекспира. У нас слишком много страстей и трагедий.

Но время – категория абстрактная. Мы понимаем его ровно так, как ощущаем сами себя. А как мы можем ощущать себя сами, когда у нас понятие «идентификация» звучит только применительно к фрагментам мертвых тел?

Наверное, даже Шекспир в нашей стране и в наше время не смог бы создать ни одной блестящей драмы. Потому что когда трагедий много, они не могут глубоко пройти, создают затор в воображении.

В таком состоянии страна теряет общественное сознание. Его невозможно ни смутить, ни возмутить. Его как будто больше нет. Есть только фрагменты.

Когда общественное мнение любили, ласково называя его «электоральным», – с ним носились, как с ребенком, которого решили отправить в космос. Вводили всевозможные инъекции, очень режимно кормили, наращивали мускулы, а в свободное время с ним занимались самые разные репетиторы. На переменках ему рассказывали кто сказки, кто страшилки – в зависимости от специализации, и многие так старались, что даже подтверждали рассказанное наглядными примерами из жизни, для чего эти примеры тут же и внедряли в жизнь. Еще у него без конца, чуть ли не каждый час, брали анализы (рейтинги). Оно, быть может, от того и истощилось (а вы представьте, что это у вас что ни час берут анализы), и перевозбуждилось, так как степень его бодрствования достигла в какой-то момент просто пика. Зато нужные, то есть заданные медиками и репетиторами, показатели анализов – рейтинги – росли, как сахар в крови больного диабетом. И в таком вот перевозбужденном состоянии в итоге бросили, перестали кормить.

Когда общественное мнение разлюбили – его как будто больше и не стало.

– Нас все время заставляют решать не те вопросы и не так их ставят, – объясняет член Русского психоаналитического общества Владимир ОСИПОВ. – Всегда опасно, когда мы говорим об отсутствии общественного мнения. Это значит – уместен вопрос: «О чем молчим?»

– Или о чем не думаем?

– Нет, именно о чем молчим. Под влиянием событий – будь то государственный рэкет или очередной взрыв, сгоревшая телебашня, затонувшая подлодка – люди испытывают страх, разочарование, напоминание о том, что на самом деле происходит. И каждый при этом чувствует себя достаточно одиноко и незащищенно. Каждый хотел бы получить опору, поддержку в своем неприятии того, что происходит. Однако не находит. В такие моменты общественное мнение и замолкает. Люди не одобряют происходящего, чувствуют себя одиноко, неуютно и испытывают страх в душе.

Когда общественное сознание замолкает, не погружается ли оно, измученное и ставшее беспризорным, в спячку?

– Так и пусть оно спит, никогда не надо будить тех, кто, может быть, не хочет пробуждения. Не надо будоражить, – сказал мне психоаналитик Сергей БАКЛУШИНСКИЙ. – Журналисты всегда думают, что, разбередив, разбудоражив, поступают хорошо, благородно, а приносят вред. Потому что это все равно, что прописать спортивные упражнения тяжелоатлету. На людей в предвыборный период было вылитое такое огромное количество информации, что они переставали что-либо понимать вообще. Они были под воздействием манипуляций, это видно хотя бы по тому, что 2 – 3 месяца спустя людям уже неудобно говорить, за кого они голосовали. Это как если вы увидели на дороге тяжелую аварию и день-два

говорите только об этом. А через неделю уже и не вспомните – освободились. Как только ситуация стабилизируется – начинается процесс освобождения.

– **Алексей, вот вы – психиатр. Что, с вашей профессиональной точки зрения, происходит сегодня с общественным сознанием? Спит, молча копит раздражение, попало в сеть абракадабры? Или пропало без вести?**

– Ему не хочется думать, откликаться, реагировать, – говорит психиатр Алексей КОПЫЛОВ. – Говоря языком Булгакова, это такой маленький «антракт негодяев». Образно говоря, Сидорову сегодня не хочется думать ни о чем общественном, он выбрал власть – она и ответственна.

– **Власть дает ему ощущение стабильности?**

– Апатия – тоже стабильность. Тоска, печаль, скука. Кто-то там лез наверх, столько денег на это грохнули, зачем – чтобы в конце концов апеллировать к Сидорову? Они пробились, и нечего экспортировать ему свои проблемы. Он не может ходить все время возбужденным – он и так уже перевозбужден. Его достали: расстреляют через день или грохнется эта башня на голову? – ну, грохнется. Ничего нового уже не подействует: сколько ни тычьте во что-то другое – все уже не так важно, не интересно. Нечему больше валиться на его голову. Его невозможно разбудоражить, да и чего этим можно добиться? Какой цели? Растревожить? Он и так живет в тревоге, в панике, он и так вечно разбудоражен.

– **Выходит, общественное сознание застыло в молчаливом ужасе?**

– Оно просто реализуется посредством других каких-то вещей. Зарабатыванием денег, профессионализацией. А общественные проблемы – вон там есть, кого выбрали. Пусть они... Это реакция отторжения, защита от агрессии.

– **Это нормально?**

– Кризис – это нормально, если он разрешается продуктивно. Все как-то сегодня сосуществуют, но не знают, куда движутся. Не знают, чего хотят, и потому никак не возникает самоидентификация. Нет ничего объединяющего, и это состояние всячески поддерживается. Можно всех давить или всеми манипулировать, делать деньги или посты ни на чем.

– **Подкинуть кошелек, потому что «вор должен сидеть в тюрьме»...**

– Ну конечно. Любимый герой в стране – Жеглов. Живенький такой, орел. Напарник на его фоне – вялый, скучный, как безалкогольное пиво. Которое дороже, кстати, стоит, но народу проще и веселее купить обычного. К тому же: отчего не пьешь это? Станный. Или больной какой-то, или... В общем, не свой. Правильный. А чем больше правил, которые соблюдают все, тем больше гарантий, что по отношению к каждому их никто никогда не нарушит. Там, где это так, люди не живут в тревоге и панике. Им бы понравился Шарапов. Но продуктивные вещи делать? У нас? Нет, это нудно, трудно, скучно. Шарапов – такой, стерилизованный. Несет он пару истин с тоскливой миной... У нас и с политиками так: как только правильный – так такой безжизненный. Драйва нет.

– **В Шарапове драйва нет? Он же банду привел – «Черную кошку»! Он, а не Жеглов!**

– Из Шарапова идеал? Это невыгодно! Если что-то объединительное начнется: ты – нищий, ты – богатый, ты – русский, ты – чеченец, а мы все вместе, и замечательно, все люди – так все же сразу станет видно. Да в мутной воде так устроиться можно! Да кому ясность нужна, да вы что?

...Когда общественное мнение дробится на миллионы личных, убегает от проблем самого общества – оно становится беженцем. Его перестают ценить: либо морят голодом, либо выдают тщательно дозированную информацию, либо кормят «тушенкой» с давно просроченным сроком годности.

Жегловская наша матрица органично принимает любую ложь. Еще Салтыков-Щедрин горько сетовал, что сыщики охранки обвинения строят не на фактах, а на подозрениях. Но он

сетовал, а нам предлагают варить этой охранки чуть ли не каждый день. Прописные истины: когда мы допускаем подлог, чтобы дать «шанс тем, кто пытается избавиться нас с вами от преступности» – мы даем им шанс стать преступниками. Они больше не смогут раскрыть ни одного настоящего преступления – это долго: анализировать, вычислять.

Если можно посадить потому, что нет уверенности, что кто-то «кристально чист», – значит, можно посадить любого, в ком нет уверенности. Можно подложить кошелек вору – значит, можно подложить что угодно и кому угодно. Можно правоохранительным органам нарушать права отдельных граждан – значит, можно нарушать права каждого, кто покажется «отдельным».

Можно в поисках террористов положить тысячи жизней, войну начать от имени народа – значит, от имени народа можно строить и сильное государство «отдельно от людей». Где все против них, потому что они – ничто.

– Не стрелять! – кричит Шарапов. И через минуту, обращаясь к Жеглову: – Ты убил человека.

– Я убил преступника.

Мы в этот момент не на стороне Жеглова, но легко его прощаем: ошибся. Мы ему разрешаем вот так ошибаться, даем шанс. Потому что любимся и в то же время слышим про «идентификацию» применительно к фрагментам мертвых тел. Нам все больнее и страшнее – бумеранг безжалостен. Мы похожи на девочку, которая, попав впервые в зоопарк, пишет в тот же день письмо отцу: «Видела льва – совсем не похож».

* * *

Мы поспорили с водителем. Он считал, что Жеглов бы навел в стране порядок. И не допустил бы гибели подводной лодки «Курск».

– Допустил бы, – сказала я ему.

– А вот это вы мне докажете, – взвился он. – Да чтоб Жеглов, да эту самую, как ее, элиту страны, оставил корчиться! Подводников!

Если представить, что все зависело от него? Я попыталась представить:

– Глеб, да ты что! Они же еще живы, Глеб! – кричит Шарапов. – Надо обращаться к тем, кто рядом! Ну, пожалуйста, Глеб, пойми: это единственный выход. Там рядом норвежские спасатели!

– Ради двадцати живых или пусть даже ради ста ты хочешь поставить под угрозу жизнь 150 миллионов? Станут известны коды, и завтра наши ракеты превратятся в ничто! Этого ты хочешь?

– Нет, Глеб! О чем ты думаешь, там же сейчас, в этот момент гибнут ребята!

– Мне тоже жаль ребят... Но я не допущу, чтобы завтра наша страна оказалась голой перед всем миром!

– Глеб, пожалуйста!

– Все! Я сказал...

ДАРУЮЩИЙ ЗЛО ВИДИТ ТОЛЬКО ЗУБЫ

Как мы боялись талибов

Воскресный полдень. Меланхолический взгляд в окно под теленовости. Замедленный полет одинокого красно-желтого листка за окном, а на экране – таджикская граница, и вот говорят, что там роятся полчища талибов. Но, говорят, пока все спокойно. И акцентированно так, со значением, добавляют: «Подозрительно спокойно».

Я смотрю на деревья – подозрительно спокойно слетает о них листва. Смотрю на телефон – он как-то очень подозрительно молчит. Затишье – это вообще всегда что-то очень подозрительное. Я снимаю трубку и звоню сама. Мой давний знакомый – востоковед, лингвист, филолог Алексей АСЯНОВ знает всегда все, вот ему я и звоню и у него спрашиваю:

– Почему, Алексей, вообще сегодня так подозрительно спокойно на таджикской границе?

– А посмотреть, к примеру, на финскую границу, там тоже, знаешь ли, спокойно. Но... не подозрительно?

– Финны, они вообще спокойные. А талибы нет. Потому что у них полчища роятся.

– Смесь абсолютного невежества и абсолютного презрения, – констатирует он.

– Это ты про меня? – огорченно уточняю я.

– Ну... не только.

– Слушай, вот ты мало того что филолог, но ты ж еще и татарин, мусульманин. Объясни мне, ради бога, почему так страшно звучит словосочетание «исламский фундаментализм»? Это что такое? То есть приблизительно я и сама знаю. Но не понимаю, почему это звучит так зловеще, ну как нарывающий вулкан примерно.

– Так ажиотаж какой вокруг, истерия – конечно, сегодня это звучит зловеще. Ты хочешь знать, кто такие фундаменталисты вообще? Так на Западе называли тех, кто считал, что мусульмане отошли от веры, и требовал вернуться к временам пророка.

– А разве нет таких людей в других религиях? Есть, например, христианский фундаментализм?

– А почему же нет? Ты возьми те газетные штампы, в которых вот такая истерия нагнетается, и подставь вместо «исламского» – «христианский», что получится? Пусть каждый попробует провести такой эксперимент. Получится листовка, памфлет, бред. Как и в любом пропагандистском тексте, вырываются слова из контекста, и получается нечто чудовищное.

Христос говорит: «Не мир принес я вам, но меч». Если это прочесть человеку, не знакомому с христианством, он решит, что это – агрессивная религия. Есть концепция: ислам агрессивен. И под эту концепцию из контекста вырываются фразы из Корана.

– Это понятно, но когда говорят «исламисты», почему-то сразу представляются палец на курке, ну и другие там атрибуты: борода, зеленая повязка и это вот еще жуткое заклинание: «Аллах акбар»...

– Ну правильно, клише – оно всегда вызывает устойчивые зрительные ассоциации. Помнишь фильм «Осенний марафон»? Там этот замордованный, как мы все, герой Басилашвили пнул что-то ногой, поранился, в очередной раз куда-то опоздал, объявился в институте, а там его студент дожидается, которого он собирался пожалеть. И вдруг взрывается: «Молодой человек, я не поставлю вам зачет. Хартия переводчиков гласит, что перевод способствует общению и пониманию народов, культур, цивилизаций! А вы своим переводом будете разобщать». Я, конечно, не ручаюсь за абсолютную точность цитаты, но суть такая.

– Это ты к чему?

– Это я к тому, что ты называешь слова «Аллах акбар!» жутким заклинанием. А что это такое в переводе?

– Аллах велик?

– Ну а если все перевести? «Господь велик!» – вот что это значит. Но ведь это уже по-другому получается, да? Ну представь, если человек гибнет со словами «Господь велик!» – это же вызывает уважение, верно? А с криком «Аллах акбар!» – ужас. Почему? А просто был сделан нечестный перевод.

– Нет, подожди, вот есть же такое у мусульман изречение: «Нет Бога, кроме Аллаха». То есть мусульмане считают, что есть только один мусульманский Бог – Аллах.

– Вот видишь, что происходит? Любой православный, услышав это или прочитав, вздрагивает, испытывает дискомфорт. «Нет Бога, кроме Аллаха? Как это нет? А мой Бог?» А ведь правильный перевод – «Нет Бога, кроме Бога». То есть Бог един. То есть в предложении переведены все слова, кроме одного, и получается совсем иное звучание.

– Слово «Аллах» нужно переводить?

– Ну а как же иначе-то? В арабском языке, языке Корана, Аллах означает «Бог». Не на всех языках Бог звучит как «Бог», верно? «In God we trust» – с английского это переводится как «В Бога мы верим». Не переводят же как «В Бога мы верим»? Когда же переводится что-то касающееся ислама – всегда остается непереуведенным слово «Аллах». Почему? Это же не какой-то особенный Бог, просто по-русски Бог – это «Бог», по-английски – «Год», а по-арабски – «Аллах». Вот и все.

– Если это намеренно так переводится, то намерения явно не сегодняшнего дня. Можно классику вспомнить...

– Конечно, это, по сути, пропагандистский ход, отчуждающий людей одной веры от другой. И такая пропаганда началась не сегодня, она как минимум длится столетие, может быть, и больше. Но сегодня уж очень активно используется. Причем иногда осознанно, а большей частью нет. Вот я читаю заметку... с абсолютной иронией автор пишет: «Рахим, Рахман, Бисмилла, – прошептав эти свои дикие заклинания, исламист ушел в сторону гор». Честное слово, так писали в начале второй войны с Чечней. Ну переведи написанное на русский, только переведи честно, каждое слово, – и получится: «Во имя Господа, всемилошного и милосердного». Это что, дикое заклинание? Это просто для пишущего явно непонятные слова, только и всего.

– Вообще-то слово «исламист» само по себе тоже звучит как-то... Христианин – нормально, человек, исповедующий ислам, – тоже нормально. А вот исламист...

– Эти все звучания – хорошее поле для пропагандистских трюков. Скажи, например, «христианист» – что-то не то, да?

– Не то. Но как бы там ни играли со звучанием, а все-таки то, что называют исламским фундаментализмом, – это ведь правда ужасно.

– Ну плохо это, конечно. И прежде всего это плохо для исламского мира. Фундаменталистское течение – это крайнее течение в исламе, даже скорее ортодоксальное. Это всегда шаг назад, и он всегда бывает сделан от отчаяния. Возьми Афганистан – там более двадцати лет идет война. Разрушенная экономика, абсолютно уставшее, запуганное, разоренное население – их всего-то миллионов восемь. Когда-то это тихая, спокойная была страна, но вторгся Советский Союз и начал строить там социализм, положив три миллиона местного народа. В ответ возникло афганское сопротивление.

– Талибы?

– Да нет, талибов тогда вообще еще не было. Были моджахеды, то есть борцы за веру, – это уже было исламское движение. Они объединились против советской оккупации и против просоветского правительства. Подняли зеленое знамя и лозунг «За веру, за отечество!». То есть эти люди тоже боролись за веру и за Родину: разве это только христианским народам позволено? Позже, когда уходят советские войска, гражданская война в Афганистане продолжается, не без помощи извне, а точнее, при активной помощи извне. И

как реакция на еще более тяжелую ситуацию уже возникает фундаменталистское движение – талибан. Оно становится все суровее: неповинующимся – казнь, женщинам – чадра. При моджахедах нравы были мягче, но царил хаос.

– Отвратительные типы. Так вот к теме о правильном переводе: я читала, что талиб – это по-арабски студент. Как это учащаяся молодежь оказалась такой мракобесной?

– Ну да, талибы достаточно отвратительны и мракобесны. И заметь – это лучшая часть населения, надежда. Далеко не каждая семья могла послать отпрыска на учебу; я полагаю, что для одного юнца деньги вынужден был собирать целый клан. Очень важно понять: почему вдруг студенты оказались приверженцами самого крайнего течения в своей религии? Да потому, что они родились, когда страна была на грани катастрофы, а росли и выросли уже глубоко внутри этой катастрофы. Талибан – реакция на безысходность. Можно сколько угодно говорить, что это движение было создано пакистанской разведкой и что за талибами стоят братья по разуму – пакистанцы. Очень вероятно. Но если бы население Афганистана не поддержало их, ничего бы не удалось. Не выглядели бы они сегодня вот так победоносно. Далеко не слабая разведка мира – советская – организовала в семидесятые ввод войск, и сколько лет они там были, – но народ Афганистана их не поддержал, не принял, а потому Союз и потерпел здесь поражение.

– А разве талибов народ поддержал? Он бежит от них, спасается, как может.

– Да, беженцев много, но еще больше тех, кто отнесся к талибам с верой и пониманием. Потому что – да, они устанавливают жесткий, даже жесточайший порядок, но порядок. Это то, по чему афганцы за более чем два десятилетия войны истосковались, то, о чем мечтали.

– О казнях и чадрах, что ли, они мечтали?

– Ну давай зайдем с другой стороны. Талибов часто сравнивают с ваххабитами в Чечне. Но заметь: в первую войну с Чечней этих самых ваххабитов вообще не было слышно. Можно строить всяческие версии, искать руку засыльщиков, но раз они появились и размножились – значит, их идеи встретили понимание. Ситуации похожи: война – правда, не такая длинная, как в Афганистане, но война, а значит – смерть, разрушения. Наступает мир – начинается беспредел полевых командиров, народ по-прежнему страдает, он как будто распят между бандами, которые делают с ним все что хотят. И вот появляются ваххабиты, они устанавливают строгий и жестокий порядок, но в самом слове «порядок» заложен ответ какой-то справедливости.

Так вот, фундаментализм всегда возникает на пике отчаяния. Это идеология отчаяния. Чтобы народ стал восприимчив к фундаментализму, его надо до этого довести. Это тяжело, нормальный человек не хочет такой жизни. Ну представь, если бы были в силе христианские фундаменталисты, они бы требовали: женщин – в платочки, нельзя ходить с непокрытой головой, нельзя телевизор включать, никаких дискотек...

– Тоска зеленая.

– Да. И исламский мир, несмотря на зеленое знамя, тоже не хочет тоски зеленой. Но когда все доходит до отчаяния, как бы включается аварийная система: предельное упрощение с целью выживания.

– То есть как бы карточки вводятся на жизнь?

– Вот именно – карточки. Талибы доходят до абсурда в своем фанатизме, но люди видят: дороги стали безопасными, совсем нет преступлений; если ты подчинен, то застрахован от криминала. И народ подчиняется – он устал от беспредела.

– Ну, там народ подчинен хоть какому-то, пусть такому страшному, но порядку. А если они с этим порядком и в самом деле устремятся дальше? Подчинят Среднюю Азию, потом прорвутся в Поволжье?

– Если власти России собираются довести Поволжье до отчаяния, тогда – да, все возможно. А иначе с чего там могут появиться фундаменталисты? С того, что – вот ужас, вот

кошмар – там живут татары-мусульмане? В Афганистане буквально все хозяйство лежит, разрушено, повалено – талибам бы дома у себя удержать порядок, их что, хватит на то, чтобы еще куда-то идти? Как ты там вначале говорила: «орды роятся»?

– Полчища.

– Конечно, когда смотришь в амбразуру – там и орды, и полчища. Но на самом деле их мало, и у них куча проблем дома – это во-первых. У них несколько государств на пути к России – это во-вторых.

– Но эти государства – мусульманские, и предполагается, что талибы могут их заразить своим фундаментализмом.

– Тогда вопрос: почему это вдруг мусульмане Средней Азии должны непременно вскакивать и радостно объединяться со злобным и мрачным талибом? С какой такой радости? У них что, настолько отчаянное положение, мрак, долготелая война? Чтобы принять талибов, нужно дойти до такой ручки, когда уже просто нет ни одной другой, за которую можно ухватиться. Ни у кого не может быть симпатии к талибам, но должен быть какой-то ключ к пониманию, что им иначе уже родину не спасти. Вспомни «Прощай, оружие» Хемингуэя. Там конкретный эпизод: прорван итальянский фронт (это Первая мировая война), заградотряды карабинеров расстреливают всех отступающих офицеров, не вникая в причины, по которым те оставили позиции. Вот-вот должна дойти очередь и до героя повести, а он в этот момент размышляет: «Они были молоды, они спасали родину». То есть, чтобы удержать фронт, у них выхода другого не было. Никакой симпатии, только понимание природы события.

– Но угроза-то, несмотря на понимание, остается.

– Для кого? Для нас? Да, сегодня талибы говорят, что Россия – единственная вражеская для них страна. Но не потому, что талибы – ее враги, а потому, что Россия им враг. Не они хотели с ней враждовать. Говорится: талибы поддерживают чеченцев. Ну а почему бы и нет, если Россия поддерживает их врагов и практически ведет необъявленную войну против них? Почему им тогда не поддерживать ее врагов?

Вспомним: Россия – юридически наследник Советского Союза. Талибы появились в 1994 – 95 годах. Афганистан стал объединяться пусть под плохой, но под единой какой-то властью – и Россия стала активно помогать тем, с кем в свое время воевала. Ахмад Шах Масуд – полевой командир, воевавший в свое время против советских войск, – сегодня наш первый союзник.

В то время как талибы не предпринимали и не могли ничего предпринимать против России, наша страна снабжала оружием их врага, вмешивалась в гражданскую войну. Как им сегодня не рассматривать Россию как врага? Хотя опять-таки пока не предъявлено ни одного афганца на территории Чечни, и ни одного чеченского лагеря на земле талибов не продемонстрировано. То есть все, что мы знаем, – это заявления эфэсбэшников, в них можно верить, а можно – нет.

Но даже если верить: это – война. Пусть необъявленная, но война. И мы все время слышим про возможность внешней агрессии талибов. С чего? В 1995-м они вышли на границу с Туркменией, но остались у себя дома. Никаких попыток переступить, никаких действий. В 98-м – на границу с Узбекистаном. И что? Спокойствие. Теперь вышли на таджикскую границу, но опять же они у себя дома. И опять же все спокойно. «Подозрительно спокойно», да?

Это у них там – гражданская война. У них – попытка разобраться дома, пусть дикими, страшными методами, но у себя. А нас охватывают ужас и страх, и декларируем мы при этом, что вот хотим защитить «хороших» афганцев от «плохих». Но на стороне советских войск воевала в свое время масса афганских генералов, чиновников, других прокоммунистически настроенных людей. И как у нас в гражданскую белогвардейцы побежали за границу, так и они побежали из страны. Куда? Да в Советский Союз, конечно, к «шурави», к другу.

«Талибы ужасны». – говорит Москва. Ну так вот те, кто бежал от них, – здесь, ты их, Москва, собираешься защищать? Их здесь скорее ЗАЧИЩАЮТ – милиция замучила.

Так вот, если талибы – зло, то это наше зло. Зло, за которое мы даже ПРОЩЕНИЯ НЕ ПОПРОСИЛИ. Не было ни раскаяния, ни покаяния, а было такое чувство – состояние мелкого хулиганчика после драки: «Да, меня побили, ну ничего, возьму своих – мы тебя еще достанем, погоди»...

– Так ведь даже мелкий хулиган может понять: это я первым полез...

– Нет, что ты. Таких мыслей нет. И хорошо, что первый полез, и правильно, иначе они сегодня, сейчас вот стояли бы у ворот Москвы. Ну а им-то и в голову такого не приходило: зачем? Афганистан не славен какими-то войнами с соседями, пуштуны прежде были, как всюду описывалось, достаточно мирными и доброжелательными людьми. Как на любой периферии.

P.S.

Есть такой психологический закон: люди, как правило, больше всего боятся и ненавидят тех, кому когда-то сделали зло. У страха природа боли, а если препарировать, то всего-то две можно увидеть составляющие: воспоминание о предыдущем и ожидание неведомого. Второе доминирует всегда. Когда ты не знаешь, что – и это «что» становится ужасным, страшным. Когда не делаешь даже шага, чтобы выпростаться из-под клише и попытаться понять причины чьего-то отчаяния. Тогда и представляется зло от него всеобъемлющим, монстрообразным, а за окном тогда роятся полчища желтых листьев.

А это просто увядание. В нем тоже что-то есть от отчаяния.

Глава 3 РЕАЛЬНАЯ ВИРТУАЛЬНОСТЬ

«ОПЫТЫ» БЕЗ МОНТЕНЯ

Как мы закрывали НТВ

В морге страшно только в первый раз, можно даже в обморок грохнуться. Во второй, говорят, уже полегче. Ну а служители морга – они там вообще посреди всего ходят с пирожком и с аппетитом. Их уже не тошнит, вот в чем все дело.

И может быть, мы стали похожи на них? Или кто-то, может быть, самые честные, на патологоанатомов? Менялись только таблички-имена, характер ран, повлекших смерть, – они добросовестно описывали это, описывали, описывали... в никуда, потому что читать эти описания было невозможно. А значит, и некому.

С моргом – это вообще-то не мое сравнение, а кандидата психологических наук Владимира Трипольского. Когда я с ним говорила, он только-только вернулся из Лиссабона и оживленно рассказывал о том, что там кошки, собаки – даже бродячие – трутся об ноги совершенно незнакомых им людей. У нас топнешь ногой, и они в панике отскакивают, у них, даже если замахнешься, ни на шаг не отойдут, наоборот, приблизятся и, доверчиво глядя в глаза, завилают хвостом. Потому что они никогда не испытывали на себе агрессию людей. «Это, если иметь в виду как показатель отношения к слабому, очень знаменательно», – сказал мне Трипольский.

– Но почему не тошнит? – безжалостно вернула я психолога к теме морга. – И почему, когда в одном блоке новостей говорят, что погибли 29 человек, а талибы расстреливают памятники, нас больше впечатляет последнее? Расстрел памятников больнее, чем расстрел людей? Почему так странно мы воспринимаем информацию?

– Это запредельное охранительное торможение на информацию, которая перестала отличаться новизной, – объяснил он. – Наша психика так защищается от разрушения, краха. Всякий новый раздражитель с новой силой пробуждает, а потом гаснет новизна и вступает охранительное торможение...

И как-то незаметно так на непуганую лиссабонскую живность опять перешел. Там, мол, сидишь на бульваре, а на руку тебе синичка садится.

Я полагаю, из этого ясно: там личность, права синички не уничтожаются. Из логики момента теперь бы надо сказать, что у нас уничтожаются права человека. Но это-то как раз та самая информация, которая давно перестала отличаться новизной.

– Когда ситуация с правами человека была более тягостной – сегодня или в советские годы?

Известная правозащитница Людмила Алексеева, отвечая мне на этот вопрос, сказала, что тягостнее ситуация была, безусловно, в годы советские, потому что сегодня правозащитники выигрывают 50 % всех дел. То есть помогают каждому второму.

– Это не значит, что ситуация сегодня хорошая. Она лучше только тем, что можно бороться, можно противостоять, а не тем, что нарушений прав меньше.

Я-то не думаю, что поколение правозащитников, к которым принадлежит Людмила Алексеева, стремилось к тому, что есть сегодня. Рискуя, стойчиво выдерживая стены непонимания, мечтая: вот зачеркнем шестую статью и тогда расслабимся, – разве могли они тогда предположить, что, зачеркнув, будут радоваться тому, что в силах помочь каждому второму?

Дело в том, что те 50 % дел, которые они проигрывают, обесценивают выигрыш другой половины. Если в лоб сказать – те самые 50 %, которым помочь невозможно, и создают для другой половины фон морга. Ощущение нереальности, деперсонализации, зависимости от общего большого зонта, под которым можно спрятаться. Страшно попасть в другую половину – под осадки. А в этой самодеградация неизбежна: что-то такое выигрывая, некую иллюзию безопасности, мы проигрываем себя.

Вот и был такой момент, когда выпрыгнули люди в дождливый митинг НТВ – неважно как: морально ли, физически. И парашюты – не общий зонт, а личные маленькие разноцветные зонтики – у них раскрылись. Для тех же, кто не прыгнул, наступил момент замешательства и очень даже искреннего недоумения: да ради чего? «Ведь не стоит предмет, да и тема не та...»

– Киселев! Да неужели он вам действительно нравится? Такой пафосный, да и деньги там крутятся, а не принципы, разве не понятно? Разве это все действительно можно защищать с чистым сердцем?

Не понимая, что дело вовсе не в Киселеве... А в том, что игроки их могут менять, как пешки.

Мы, живя на 50 %, устали от «идей, сужающих сердце». От перевернутых прописных истин: лежачего бьют, чужие письма читать хорошо, судите погромче и несудимы будете. Устали все сдавать, все терять... Но крепились: ну да, война, но ведь не железный занавес. Ну да, подлодка – «она утонула» и потопила что-то человеческое в цинизме властей, но ведь у нас выборная система... Ну да, фальсификации, но ведь на 50 % мы что-то защищаем...

Люди с маленькими зонтиками, защищающими только от дождя, «выбросились» не из-за Киселева. И не из-за НТВ. Просто самолет, в который они вошли, когда только-только отменили шестую статью Конституции, летел все время не туда. И они устали себя успокаивать. И устали терять в одиночку...

В «Опытах» Монтеня есть такой эпизод: идет война, и некий граф теряет одного за другим своих близких родственников и друзей. Гибнут его сыновья, братья, товарищи, с которыми он рос, а он как будто не меняется в лице. Он присутствует на всех похоронах, но никто не может похвастать тем, что видел хотя бы раз слезинку на его мужественном и суровом лице. И вот после уже 15 или, может быть, 20 таких смертей убивают его оруженосца – человека для него нового, чужого. И на его похоронах граф неожиданно громко разрыдался. Люди вокруг поражены и шокированы, им кажется просто неприличным так скорбеть о неблизком человеке, когда погибло столько близких. Но плакал он не оттого, что оруженосец оказался ему дороже, а только потому, что устал от потерь. Потому что это оказалось последней каплей.

Плакал, потому что дошло.

ВТОРЖЕНИЕ, или «А на ТНТ сейчас макароны дают!»

Как только НТВ из горячей точки превратилось в контролируемое пространство, мое личное пространство нарушилось. Телевизор с тогда еще дециметровым каналом ТНТ был только в комнате моего двенадцатилетнего сына, но он любил СТС. Смотрел всякие фильмы про команду спасателей, про инопланетян и Чарльза, который почему-то всегда за все в ответе. Я вторглась в пространство сына: «Дай послушать НТВ. В смысле ТНТ. Пожалуйста». А что он мог сделать? Согласился, но сквозь зубы.

Мысленно говоря: «Ты же всегда смотрела все в своей комнате!» Его микромир был угнетен.

Я уходила. Сидела, грустила: «А на ТНТ сейчас макароны дают»... В моей комнате есть НТВ, но оно стало одноклеточным. Кто-то за меня решил для меня все упростить. Сквозь бутылку пива, которая закрывает часть разбитой машины (помните, была такая реклама), это «как бы НТВ», может быть, и можно смотреть. Но мешало осознание, что все-таки машина разбилась. Предупреждал же Станислав Ежи Лец: «Не буди в палачах совесть, не то пробудишь их добросовестность». Так нет же, разговаривали с ними, усовещивали, разбудили до суда. И все они нам объяснили про права собственника и долги. Но я – телезритель, и мне неважно, что там как и из-за чего произошло. Мне неинтересны формальные поводы. Я привыкла именно в это время, именно в этой комнате, именно в этой позе слышать и видеть именно этот канал – привыкла на уровне условного рефлекса. Мне ломают привычку, в нее вмешиваются, меня в моей крепости – в доме поразили в правах, достали даже здесь. Нарушили личную границу – ее перешли. Со мной не посчитались. И что? Помощь зала, звонок другу? Но зал разадаптирован, а друзья испытывают примерно те же чувства, что и я. Звоню специалистам, в чьей профессии есть слово «ПСИХО», что скажут?

Алексей КОПЫЛОВ, психиатр, психоаналитик:

– Когда человек ощущает, что кто-то ему установил или убрал рамки или взял и поменял их, – что он может испытывать? Растерянность, разочарование. Ситуация с НТВ для кого-то поменяла все, для кого-то не изменила ничего. Кто-то обезоружен, становится пассивным, кто-то, наоборот, напрягается, перегруппировывается. Нет адекватной замены тому, что у него отобрали, – будет делать что-то, что ему эту недостачу компенсирует. Все это есть реакция на вторжение. Вторжение всегда рождает вторжение. Команда НТВ вынуждена вторгаться в другую среду, телезритель-поклонник – на другие непривычные кнопки... Дискомфортно всем.

Владимир ТРИПОЛЬСКИЙ, кандидат психологических наук:

– В старых учебниках психологии описывается такой эксперимент: человека вводят в специально оборудованную комнату и закрывают за ним дверь. Это обычная комната: круглый стол, на нем скатерть с бахромой, четыре стула, трехрожковая люстра на потолке, занавески на окнах. Все так, но перевернуто на 180 градусов, то есть люстра внизу, бахрома со скатерти не свисает, а поднята вверх, занавеси идут от пола к потолку. В такой непонятной ситуации каждый реагировал по-своему. Кто-то хихикал, кто-то заболел: у него начиналась рвота, головокружение. Когда резко меняются ориентиры, люди испытывают чисто физический дискомфорт, который может перейти в физиологический: головная боль, раздражение, бессонница,

повышенная возбудимость. А причина – в личностном психологическом дискомфорте. Если не один человек, а сразу много людей его испытывают, возникает социальная напряженность. Для общества – это потрясение. Оно – расколото.

Елена КАЗЬМИНА, психоаналитик:

– Случившееся с НТВ увеличило эмоциональную нагрузку на всех. Кто понимает это, кто нет, но чувствуют и реагируют все, потому что это – изменившаяся реальность. И человек задается вопросом: где теперь моя реальность? И какова теперь реальность вообще? НТВ стало линией разлома двух мироощущений. Первое: царь хороший – бояре плохие. Я не выдержу мысли, что царь плохой. Второе: я могу допустить, что реальность плоха, что она такова, и я принимаю эту реальность, буду жить дальше, зная и понимая ее.

КАК МЫ СТАЛИ ВИРТУАЛЬНЫМИ Общество злых детей

2003 год. На первом канале телевидения состоялась премьера передачи «Розыгрыш». Планета... не помню, как называется...

Повсюду – вой людей, убедивших себя в том, что «с волками живем уже». Идет какая-то дико-агрессивная волна самопрезентаций: «Я лучше, чем вы!» Чем? «Чем вы все!» Сплошная линия когтей и клыков – неслабые звенья. Каменный век телевидения, внутривидовой отбор: «Если мы сначала не ударим, голоса нашего никто не услышит. Сначала ударь (ударь, ударь, ударь!), потом получишь рейтинг. Без него погибнешь от холода, голода, диких зверей. По-волчьи вой!»

– Мужчина, я хочу вам сказать, что вы – подонок! Поаплодируем. Передайте микрофон женщине, она очень хочет что-то сказать.

– Мужчина, я от себя тоже очень хочу сказать, что вы... А это же все феномен толпы. В толпе всегда кто-то первый кричит: «Вот он, бей его!» Бегут-догоняют целыми селами, целыми стадионами, «целыми» телеаудиториями – колями забивают, арматурой глушат, лежа на диванчике, мысленно сжигают на площади. И – рейтинг, конечно – рейтинг, что уж там «За стеклом», что там «Окна»! Только ленивый об «Окнах» этих не писал, и только ленивым – нам вот с вами – и казалось, что ниже опуститься уже невозможно. Еще казалось, что если переключишься – значит, все и нормально. Не нравится – не смотри, жми другую кнопку. А понимаете, что случилось: НЕКУДА БОЛЬШЕ ЖАТЬ.

На одном канале люди, преодолевая страх (игра такая), а заодно и безгловость, едят-давятся прямой кишкой свиньи. На другом – «Розыгрыш». Я попала не в начало, а в конец первой истории (всего их в передаче три). Успела только увидеть девушку, на которую неожиданно с высоты что-то не то высыпали, не то вылили. Ей страшно обидно, она пытается поначалу ругаться, а потом плачет: всерьез, по-настоящему. Это – странно, но нам показывают ее теперь уже в студии, вот она сидит на сцене. Рядом в креслах – актриса Русланова и писатель Шендерович. Их тоже разыграли. Сейчас покажут как...

Это все в субботний вечер – внимание расслабленное, после рекламы возвращаюсь на канал не сразу, поэтому не знаю, что происходит, но по тому, как мечется на экране Русланова, создается ощущение горя – вправдашнего. Она причитает, хватается за мобильный, кричит (цитирую не дословно, но по смыслу точно): «Зашла в магазин, вышла, а на месте моей машины – танк». И в самом деле, показывают настоящий танк, и под ним – раздавленная машина! Зрителям это видно, но зрители-то знают, как передача называется, а Русланова о присутствии телевидения и не подозревает (я это уточняла): съем-ки велись скрытой камерой и все «шилось» на живую нитку-эмоцию.

Затертое слово «шок» здесь просто нечем заменить: актриса испытывает настоящий шок, и мы это видим, мы слышим, как она это свое горе прокрикивает, оплакивает. Видим ее и в другой, уже новой стадии, когда больше не кричится и она молча курит. Там есть забавные элементы, с точки зрения людей посторонних, – я их намеренно опускаю. Я хочу показать, что если это и комедия положений, то только не для героини – у нее-то трагедия, и прочувствовать это ей дают по полной программе.

Подъезжает, наконец, машина ГАИ, начинается разговор автоинспекторов с танкистом. Все герои – члены съемочной группы, в ситуации по-настоящему живет, ее проживает только Русланова. Танк в итоге отъезжает, и только после того, как она ощутила уже все сполна: вот они – раздавленные, раскоряченные детали любимицы, вот она – ее боль, посмотри, зритель, просмакуй всю эту гамму чувств, – вот только тогда ей объясняют подмену, показывают спрятанную невдалеке ее целехонькую машину. И она бежит, смеется. И это все что угодно,

но только не смех человека, которого только что остроумно и безобидно разыграли. Это скорее смех счастья: уже не чаяла, мысленно, эмоционально похоронила, а вот оно – живо...

ШУТ-точки. Кажется, вот сейчас над ухом довольного, в прошлом «нотного» телеведущего Валдиса Пельша проблестит стрела – и странно, что не одет он в шкуру...

* * *

Третья тема – Шендерович... Этот розыгрыш зрители в зале признали лучшим. Что же с ним произошло?

Есть физическое здоровье, но существует еще и понятие здоровья психического. Если перевести одно в другое, то можно попробовать представить себе ситуацию так. На человека нападает стая бандитов, бьет, калечит, сбивает с ног. Бьет уже лежащего. Удары звериные, явно ощутимые. Неожиданно все прекращается, и человеку говорят: «А это был розыгрыш! Мы не бандиты и не стая».

А в чем розыгрыш? А в том, что мы не бандиты и не стая... Ха-ха. Предупреждал Булгаков: «Никогда не разговаривайте с неизвестными...» Виктору Шендеровичу позвонили как бы из подмосковного города, кажется, Королева, и «юбилейным» голосом сообщили, что подавляющая часть города мечтает побывать на его концерте. Он верит (а почему бы, собственно, и нет?), приезжает в названный Дом культуры, и здесь его встречает характерный типаж – такой «новый русский» (тот самый актер-танкист, «убивший» автомобиль актрисы). Типаж по-своему так балагурит, конвертик с гонораром сует, тут же просит «сфоткаться» с девками – «они так мечтали!». И что? А «Мастер и Маргарита»: «Машину зря гоняет казенную! – наябедничал кот, жуя гриб». Тут вот тоже что-то такое «ябедное», и все кажется: ну теперь-то уж рассмеются, скажут: «Гляди, коллега, вон там камера – как мы тебя, а?» Но до первой крови бьют в драках, а тут – «розыгрыш». И Виктор выходит на сцену, где в зале, понятное дело, занято всего-то ряда два-три, но типажі опять-таки подобраны мастерски: в одном ряду – солдатики, из другого – провинциально-вычурно и в то же время скромно одетые дамы глядят с непередаваемым обожанием, и крепко сидят мужчины, похожие на председателей советских колхозов.

Ну нет у Виктора никаких догадок, начинает он концерт. И вот только начинает, как на сцену выпрыгивает женщина и громким шепотом вопрошает: а не предупреждали ли, мол, его о том, что ей поручено вести сурдоперевод, потому что в зале есть глухонемые? Шендерович удивлен, но согласен: он снова начинает вступительное слово, но тут в зале поднимается другая женщина и елейным голосом говорит о благодарности ему, Виктору Шендеровичу, за то, что он посетил их славный город. Все попытки выступающего (пожалуйста, мол, давайте после концерта все вопросы) разбиваются о фанатичный блеск глаз и бесконечный поток кругленьких, как мыльные пузырьки, слов: мы так любим вас, вы великий русский писатель.

Писатель отшучивается в своей манере:

– Я, знаете ли, настолько же великий, насколько русский...

Когда дама, наконец, садится и на сцене возобновляются попытки все-таки начать концерт, с места поднимается господин с вдумчиво-внимательным взглядом и развивает мысль о том, что много вот что-то нынче стало на виду всяких-разных шендеровичей, якубовичей ну и так далее. «Вопрос-то в чем?» – нервничает Виктор; он уже окончательно разадаптирован, не понимает, что происходит. Да, забыла сказать, что ряд солдатиков пустеет – они сообщили, что им концерт очень нравится, но дальше сидеть не могут, так как опаздывают к ужину.

Вопрос «антисемита» в том, что всюду должны быть представлены нации пропорционально. Согласны? Шендерович заводится, почти кричит о том, что нет, он так не считает,

люди должны всюду, по его мнению, быть представлены пропорционально таланту! «Анти-семит» не сдается, Шендерович говорит, что либо он уходит со сцены, либо разговор окончен. «Антисемит» продолжает...

Шендерович поворачивается и уходит.

Смотрите, как его разыгрывают: сначала человек испытывает абсолютную профнепригодность – он-то ведь не знает, что это все выходит «прямо из зеркала трюмо, маленькие... в котелке на голове и с торчащим изо рта клыком». Что смакуется все – и эта вот его растерянность теперь, когда он уже сидит в кресле на «гостеприимной» сцене студии Первого канала, в том числе. Камера выхватывает его реакцию – вот он смеется: как бы «да, ребята, молодцы, здорово я попал, мастера вы талантливые»... Но вот он слегка забылся, он просто не в силах следить за собственной мимикой. Закрыв лицо руками, виден один только глаз, и ловит его камера, все ловит: смещение, стыд за себя – муки какие-то просто невыносимые! Идет изощреннейшее, просто садистское измывательство – подглядывание за человеком, помещенным внутрь ситуации, совершенно дикой; подглядывание за подглядывающим за собой – бедная старая передача «За стеклом». Ее считали этической голытьбой, но там-то участников изначально предупреждали о скрытой камере!

А просто нет предела совершенству...

* * *

«Что дальше происходит в квартире № 50?.. Словом, был гадкий, гнусный, соблазнительный, свинский скандал...». «Милиция», грозящая отвезти писателя в отделение, «новый русский», требующий деньги вернуть, кричащий, что Шендерович ему в итоге швырнул не те деньги: «Мы тебя как человека приняли, а ты главного человека в городе обидел!» (Замечу в скобках еще раз, что все цитаты из телепередачи не дословны, я пытаюсь передать суть.)

...Не только люди – ценности наши, заповеди тоже «внезапно смертны». Они могут быть пока еще укоренены в духе, но они – без почвы. Выросли, поднялись злые дети из культового фильма Ролана Быкова «Чучело». Встали на все эти наши слова про «так можно», «не нравится – не смотрите», создали свои культы.

Кто не спрятался – чучела...

Комментарий специалиста

Дмитрий ЛЕОНТЬЕВ, доктор психологических наук, профессор МГУ:

– Засилье телепередач, опускающих зрителей на самые низменные пласты, позволяет мне сегодня вспомнить термин «антропологический кризис». Конечно, те же самые процессы идут не только у нас, но во многих странах такие «инстинктивные» шоу стыдливо убраны с государственных каналов. Их можно смотреть только за деньги, по коммерческому телевидению. Безусловно, это мало кого спасает – обсуждаемые вещи небезопасны для человека как вида: переворачиваются представления о норме, снимаются внутренние запреты, как бы внушается установка на то, что успех возможен только при бесстыдно-агрессивном напоре, человеческие же усилия бесполезны, можно остановиться в своем развитии. Психотерапевты хорошо знают истину: «К какому “Я” ты в человеке обращаешься, то “Я” тебе и отвечает». Бесконечное обращение к самому

упрощенному, даже можно сказать, животному «Я» на нашем сегодняшнем телевидении дает мировоззренческое обоснование регрессии общества...

ЗАМЫСЛИЛИ ОНИ ДОБРО

Смотрите? Я тоже смотрю. Вы, вообще, какой телезритель – заядлый или балующийся? В учебниках по социальной психологии говорится, что если в день вы смотрите телевизор часа четыре и больше (это тысячи часов в год) – значит, вы заядлый.

И я «заядличаю» уже несколько дней, сознание мерцает, как телевизор в темной комнате. Трудно только в первый день выдержать сразу четыре часа, коченеешь как-то, эмоционально обомжевываешься. Как будто поселилась на вокзале.

* * *

Я на вокзале. Это студия так сделана – под вокзал, там еще поезд все время ездит на заднем экране – везет людям встречу с близкими, программа называется «Короткие встречи». Игорь Кваша с Марией Шукшиной давно ведут подобную программу, там тоже людей находят, но... Как-то там все тактично, сострадательно, медленно... Такие вещи не живут долго в памяти – слишком все по-человечески. А здесь в детский реабилитационный центр приходит корреспондент и спрашивает: «Кто из вас Сережа?»

– Это я, – отзывается мальчик лет десяти. И везут его в Москву, где уже сидят на вокзале-студии его мама и бабушка. Пять лет они его не видели – отец увез. Письма писал, потом перестал, спился. Сережа позже расскажет, как приболудился к строителям, жил с ними в вагончиках; хорошо там к нему относились, кормили. Но стройка закончилась, он скитался, потом попал в реабилитационный центр. И вот теперь его – с поезда на сцену, посадили между мамой и бабушкой. Он их видел в последний раз малышом – теперь глядит подростком.

– Ну что, Сережа? – требовательно, с каким-то даже металлом в голосе спрашивает ведущая, – с кем ты останешься? Вернешься в реабилитационный центр? Или поедешь домой с мамой?

– Не знаю, – мучительно, болезненно морщась, говорит мальчик, – даже не знаю.

– Сережа! Поезд ждет! Что ты решил? – не отступает ведущая. И очень требовательно через пару секунд:

– Сережа! Говори!

Бабушка и мама, причитая: – Ну как же это, все тебя ждут, мы так тебя ждали, готовились...

– А где вы были, когда я на стройке... – Ну не может ребенок сразу отреагировать все эмоции, застрял в каких-то внутренних пустотах. Накрыло его внезапным этим теледобром, как взрывом, он под завалами. Вытащат? Спасут?

– Сережа! Итак... – не унимается ведущая. – Сережа! Мы ждем...

Отворачиваясь, плача, не глядя на родных (посмотришь – расслабишься), мальчик принимает решение к ним не возвращаться... Поезд везет его назад, в реабилитационный центр. Студия аплодирует.

Может быть, «окнами», «стеклами», «голодом», «домами», «запретными зонами» огрубленные, мы просто уже не можем знать, где в самом деле зоны по-человечески запретные? Мы столько пережили запредельных, но понарошечных откровений. Так много людей истекло на наших глазах клюквенным соком, столько было стонов раненых помидоров. Завороженный ужас – привычное состояние, мы просто смотрим, мы не знаем. Настоящий это мальчик или нет? Боль у него – настоящая? Но если да, то все случившееся для него по силе травмы равно тому, что чувствуют жертвы терактов. Спросите у любого психиатра, он подтвердит, что по последствиям для детской психики шок от таких вот коротких и ни к чему не

ведущих встреч переживается ничуть не легче... А если это все-таки был маленький гений – актер? Или дети из Беслана – могли ли их сыграть дети-актеры в шоу Гордона, как вы считаете? А если дети настоящие, то как стало возможным приглашать их в шоу Гордона?

Приглашать их – в шоу?

* * *

Вы вообще видели это шоу? Оно так и называется – «Стресс»? Странно все-таки смотреть здесь ведущий, правда? Как переодетый волк: «Ребятюшки, козлятушки...». Там, где-то за пределами студии, проходит ось зла, а здесь, из студии, защитник, доброумышленник Александр Гордон напрямую в эту ось пробивается: «Мэр города такого-то! Поставьте женщинам телефон, они делают доброе дело...» Он знает точно, кто виноват и что делать. Он хороший. В сказках и в комедиях обычно, когда герой вот настолько подчеркнуто хороший, так непременно у него ус отклеится, парик слетит или маска отдерется... Я сейчас даже не говорю про ту передачу, где были дети из Беслана, я просто даже не возьмусь про нее говорить... Я про следующий сюжет: в студии – женщины-правозащитницы из Сочинского района. Они буквально спасли 15-летнего Витю, беглеца из северного городка. Мальчик просил милостыню и теперь вот, уже в телестудии, объясняет, что милостыню просить его заставил «этот черный таджик». Правозащитницы в рассказе своем о «хозяине» мальчика говорят не иначе, как «этот товарищ». Подразумевается – мошенник, бандит, гад; и это нормально, потому что так оно, наверное, в действительности и есть. Ведущий обобщает:

– А как этот узбек-таджик-оглы вообще там оказался?

И это он не потому так говорит, что «привет милиции, я свой». Что все словесные портреты злодеев рисуем вместе. Нет, здесь как раз все вовсе без пафоса. Слишком сама роль пафосна, невозможно же все время держаться в рамках роли цивилизованного, гуманистического кого-то, «ну ребятюшки, ну козлятушки...», сколько же можно? Невозможна искусственная гармония. А гармонии хочется

– Ты работу-то там у себя пробовал найти? – с интонацией прямо-таки отеческой спрашивает ведущий у Вити.

А Витя работает. Крошки кирпичные крошит, можете себе представить, крошки заработка. Мать больна, дома все детишки младшие. Отец бросил. Вите, напомним, 15. Он и в Сочи-то подался от безнадёги, безысходности. А ведущий теперь про планы спрашивает. Самое время спросить. Хочет Витя в техникум, выучиться бы ему на сварщика.

– Сделаешь? – спрашивает ведущий.

Перевод происходящего диалога: «Что, парень, плохо тебе?» – «Да, очень, невыносимо, я не знаю, как вытащить семью, я пробовал, и вот что вышло, не знаю, что делать, как...» – «Обещаешь быть хорошим?»

– Сделаю, – через паузу отвечает мальчик.

Все. С Витей разобрались. Аплодисменты.

* * *

Уходим? Вы куда попали? Я в вечерние новости на первом канале. Здесь гость из института социологии Михаил Горшков, и он все объясняет – у нас, оказывается, 36 процентов населения вообще не хотят быть богатыми. Вот в чем все дело. Иные мы все-таки люди, иные у нас ценности. Неуклонно растет количество населения, довольного своими доходами. Крепнет и увеличивается средний класс. Бедных на всю страну всего семь процентов. И это – дно, в основном, опустившиеся люди – так говорит господин Горшков. Ими, конечно же, надо заниматься.

Пропускная способность сознания заядлого телезрителя (моего, сейчас, к примеру) равна возможностям центральных магистралей Москвы в вечер пятницы. Это внимание водителя в мертвой пробке: поначалу он идет на любой маневр даже ради каких-то миллиметров, но уходит влево – а правая полоса вроде как слегка двинулась, вправо – встала правая. Там реклама, здесь новости, здесь те же новости. Бесплезность, безрезультатность каких-то действий рождает ощущение полного аута, беспомощности. В таком состоянии – рассеянном, свободно плавающем – внимание может быть захвачено чем угодно. Вы застреваете, к примеру на Горшкове, слушаете и думаете: все давно уже у всех наладилось, все процветает, только вот я один такой лох. Или рационализирете: «Ну... вряд ли средний класс растет, здесь, наверное, путаница в терминах. Вот, к примеру, знакомый из провинции получает копейки, крутясь на двух работах, а говорит, что по меркам своего города живет средне. Он и зачисляет себя в средний класс». То есть вот что происходит на самом деле – людям показывают уже почти советскую реальность, а люди внутри этой реальности пытаются как-то жить, они в нее верят, обосновывают ее. То есть не советский зритель живет в почти уже советской телереальности. А он, то есть мы с вами, точно не советский – телезритель советский жить в телереальности не мог просто по определению – он в нее категорически не верил. Ну не было в его жизни киселевского НТВ, не носились по его экрану кони с «Вестями». А в нашей было, и мы поверили, мы привыкли очень быстро, как к пульту – к хорошему всегда привыкаешь быстро, – к телевизору, который все нам расскажет, все покажет и даст комментарии всех сторон. И конечно же, мы заметили тихие подмены. Передачи убирались не потому даже, что они были оппозиционны, а потому, что были живые, непредсказуемые – торчащие гвозди всегда забивают. Когда журналистские гвозди забиваются – все остается без контекста, даже добро. Добро без контекста – чужое добро, какая-то наличность, – оно не духовно. Жесты ветра повторяют не только флюгеры, но и цветы.

Пульты теперь держат не руки, а инерция доверия, кредит, который пока все еще не исчерпан. И он неисчерпаем, потому что это такой удобный самообман: мы смотрим, потому что верим, а верим, потому что реальность невыносимей.

В телевизоре нас любит «Техносила». Все время про нас думает «Тефаль». ТНТ помогает, Александр Гордон излечивает стресс. Программа «Короткие встречи» найдет, если потеряемся. Нам сказочку расскажут, нам песенку споют: «Не ходите, дети, в Африку гулять! В Африке большие злые крокодилы, внутренние враги, пособники террористов, гвозди торчащие, мысли НЕ НАШИ».

* * *

А вы знали? В Таганроге пробки были как в Москве. Их создавал Рома из реалити-шоу «Дом-2» – где остановится, там в течение пяти минут и пробка, водители выпрыгивают из машин и бегут к нему, все бегут. Вот он сейчас об этом рассказывает. Про маму с папой еще говорит, про то, что им нравится, а что нет в том, как он строит любовь. Оказывается, вот уже месяцев пять или шесть каждый вечер по телевизору папа с мамой внимательно смотрят, следят за этим процессом. Рому ненадолго отпустили из телевизора домой, и привез он оттуда для шоу пожелание. Какое? «Розыгрышев побольше надо». Два раза Рома это повторил: «Побольше надо розыгрышев», и никто не дернулся, а все, наоборот, закивали. Вместе с ведущими. И меня не передернуло – шел четвертый день моего заядлого телесмотрения. А что, в самом деле, такого неправильного в речи этих «реалистов»? Вот когда моему сыну было годика три, он сказал как-то: «Это мой вилка». А я, конечно, сразу же и поправила его: «Не мой вилка, вилка – моя». Он обиделся: «Что я тебе, девочка, что ли?»

Слово «розыгрыш» мужского рода. Ну и... в общем не знаю, там какая-то логика наверняка есть. Где-то.

Вы сейчас где?

ГЕРОЙ ВИРТУАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Можно, я с ресниц начну? Очень нравятся – длинные, черные, изогнутые на концах. Дальше: серебристые виски, бархатные перчатки с серебряными кнопочками. Холеные ногти, нефритовые четки, н-да.

Пробор – безукоризненно аккуратный, волосок к волоску, крахмальный воротничок, жемчужная булавка в шелковом галстуке, вот-с...

Подтянутый – сказываются ежеутренняя обстоятельная гимнастика с японцем-камердинером, зеленый чай, дыхательные упражнения. Высокий, худощавый, широкоплечий. Брюнет, глаза синие, заикается, курит сигары.

Узнали? Кто-то, может быть, с самых первых строк описания, кто-то – позднее, но узнали, полагаю, все акунисты (звание присваивается каждому, кто «глотал» чтиво Бориса Акунина). Ну конечно же: господин статский советник Эраст Петрович ФАНДОРИН. Почему именно этот ложенный франт, элегантнейший аристократ, писанный красавец? А потому, что человек без ружья просто категорически не герой нашего времени. У Эраста же Петровича всяких штучек колюще-режуще-стреляющих – куча. Он даже в баню, напомнить вам, как собирался? «За эластичную ленту подтяжки для правого носка засунул маленький стилет в легких ножнах... в кобуру на спине сунул велосодог – миниатюрный пистолет... в другую кобуру, приспособленную для ношения под мышкой, – семизарядный “герсталь-баярд...”»

Я, конечно, все буквализирую, а на самом-то деле Фандорин – силовик, человек с ружьем на страже государства, в достаточно высоком чине, ранге и звании. Послужной список опять же: принимал участие в русско-турецкой войне, был на дипломатической службе в Японии, кавалер ордена Святого Владимира 4-й степени за дело «Азазель», Святого Станислава 3-й степени – за дело «Турецкий гамбит», Святой Анны 4-й степени – за дело «Алмазная колесница», а также японских орденов Большой и Малой Хризантем.

Но даже и не в этом дело. А еще и в строчках биографии, даже самой ранней – вникните: мать умерла рано, отец ушел из жизни, когда Эрасту было 19, и ничего родитель, разорившийся дворянин, своему единственному сыну не оставил, кроме долгов. Эраст вынужден был уйти из гимназии и поступил на службу в полицию коллежским регистратором. И уже в двадцатилетнем возрасте получил чин титулярного советника – без какой-либо протекции. Числясь, кажется, в Министерстве иностранных дел, стал в реальности работать на Третье отделение.

Слушайте! Вам тоже вспоминается всем известная биография питерского студента юрфака, который делал все для того, чтобы быть приглашенным к сотрудничеству со спецслужбами? Восточные единоборства, знание иностранных языков, борьба с терроризмом – это я про кого?

А я все равно про Фандорина. Да кто ж сегодня помнит, что такое значат его вот это самое Третье отделение и уж тем более русско-турецкая война, скажете вы. Разве это все актуально, когда сегодня – Чечня и Афганистан? Почему герой нашего времени – из позапрошлого века, с хризантемами большими и малыми? Разве нет достойного в реальном времени?

Нет. Точнее, может быть, в реальном времени и есть, но мы живем в потрясающе-ослепляюще яркой графике реальности виртуальной, а потому самоотдачи чьей-то видеть не можем. Блоки самоподач настолько утомляют и притупляют зрение, что увидеть то, что есть, просто невозможно – все видят только то, что надо видеть. На это «надо» работают представители самых доблестных сегодня профессий – имиджмейкеры, политические технологи, визажисты, дизайнеры, декораторы. Не садовники, не строители, то есть

не создатели и не творцы, а «украшатели». «Украшенным» остается только декларировать благородные цели, а делать можно все что угодно. Мир получается ролевой: функции обязывают, имиджи на фоне первоклассных декораций работают, а люди из всех сил соответствуют мимикой, жестами, речами, но... не соответствуют. И на таком вот театральном фоне несоответствия, понарошечных слов и неписанных правил игры писанный красавец Фандорин (вспомним честно: и человек-то он писанный) оказывается самым настоящим и осязаемым.

Потому что правил игры не соблюдает. И вообще не играет – просто живет по собственным правилам. Ничего не декларирует. А просто объясняется: «...Собственные правила – это не желание обустроить все мироздание. А попытка хоть как-то организовать пространство, находящееся от тебя в непосредственной близости. Но не более. И даже такая малость мне не слишком удастся». То есть рыцарь он без страха, но с вечными упреками самому себе. И, может быть, потому как человек – безупречен. От такого не ждешь вероломных поступков. Фандорин, скажем так, «веропочинительный». Даже явный враг его, тезка Жеглова князь Пожарский, обвиняя его, это-то и подтверждает: «При всех блестящих качествах у вас есть огромный недостаток. Вы начисто лишены гибкости, не умеете менять форму и цвет применительно к обстоятельствам, не способны сворачивать с намеченного пути на кружную тропинку. А стало быть, не подсадите и не воткнете нож в спину».

Есть такая притча: «Сказали мне: эта дорога ведет к смерти. И с тех пор выются передо мной глухие, кривые, кружные тропки».

А любопытно так взглянуть: Жеглов, Пожарский и Фандорин – все трое потрясающе обаятельные суперсыщики, у всех в ремесле риск, все играют с опасностью. У каждого быстрая реакция, уникальнейшая интуиция и абсолютно аналитический склад ума. Все трое авантюры и почти всегда блистательны. Два Глеба свернули с дороги, а по прямой, «ведущей к смерти», пошел только один.

* * *

Фандорин идет, бесконечно рефлексирова: «...Вроде бы расследование как расследование, да еще поважнее любого другого. И цель достойная – защита общественного спокойствия и интересов государства. Откуда же чувство запачканности?» Он без конца застревает в моральных дилеммах. Вот, к примеру, решил, что все-таки надо подать руку высокопоставленному мерзавцу: он – гость. И снова сомнения: «...а может, вмешались в это решение какие-то карьерные соображения?». А тут вдруг врывается полиция и, тысячу раз извиняясь, – все-таки не к кому-нибудь, а к господину статскому советнику ворвались, – сообщает, что тот самый высокопоставленный господин убит и что «э-э-э... убили его вы, и что вас должно немедленно взять под стражу». И что Фандорин? «...В первый момент Эраст Петрович испытал абсурдное облегчение при мысли о том, что проблема с рукопожатием снялась сама собой».

Температура – 40, какое счастье, можно не идти на контрольную!.. Детский сад, точнее – младший класс школы. Еще точнее: слишком человек всегда спотыкается о собственные моральные контрольные, сдает самому себе невидимый экзамен. Тут есть один страх – всего один: чуть отступишь от собственных правил – и инфицируешься, попадешь в ситуацию, когда не то чтобы там какому-то мерзавцу – самому себе руки не подашь. Эта его щепетильность иногда раздражает: получается, что внутреннее достоинство и благородство, «незапачканность» ему вроде как даже и важнее общих достойных и благородных целей. Да еще в таких обстоятельствах, когда люди один за другим становятся «живыми бомбами», создавая «вакханалию терроризма», а в силовых ведомствах – интриги, неразбериха, «вавилон». Да все бы ему простили в такой ситуации: и запачканность, и даже грязь, да сколько угодно

грязи и крови – разве мы этого не прощаем? Разве не влюблены в Жеглова, у которого щепки летят во все стороны? Не «рукоплещет восхищенный зал» мира словам «акция возмездия»?

Чем страшнее и ужаснее глаза лидеров государств в момент произношения подобных «клятв» (слова уже были разные) – тем выше рейтинги. Это как гипноз: «террор» в переводе с латыни на русский и есть страх и ужас. Террор в ответ на тер-рор – подчинение страху и ужасу, выбор зависимых и несвободных людей, окольная тропка.

* * *

«... – Когда воюют, ведь мирных жителей не убивают?

– Нарочно не убивают. Но если пушка выстрелила, кто знает, куда попадет снаряд. Может, что и в чей-то дом. Это плохо, это жалко. Но это война... Разве они наших гражданских жалеют? Мы хоть по ошибке, ненарочно...»

Как вы думаете, кто ведет этот диалог? Террористы? Участники антитеррористической операции в Чечне? Исполнители «акции возмездия в Афганистане»? Почему все так похоже, то есть почему возможен любой вариант?

Разговор-то на самом деле ведется в фандоринском XIX веке. Это Грин, лидер террористической группы «БГ», натаскивает своего подчиненного. Грин, сын аптекаря, превратился в «живую бомбу», в «спичку, которая, сгорев, даст начало большому огню» после еврейского погрома в местечке. Сюда выслали из города его семью, потому что «слишком много расплодилось евреев, не имевших вида на проживание вне черты оседлости». Еврейская тема – главная и у девушки по имени Эсфирь, явно сочувствующей группе «БГ»: «...Террористы проливают чужую кровь, но и своей не жалеют. Они приносят свою жизнь в жертву и потому вправе требовать жертв от других...» И что вы думаете: Фандорин «мочит в сортире» весь подозреваемый этнотип? Да у него с этой девушкой, Эсфирью, роман! Он вообще абсолютно толерантный человек – учит языки, живо интересуется культурой разных народов и очень бережен в обращении с людьми – любыми. Ему и в голову такая мысль не приходит – про этнотип. Он, конечно, ищет Грина, но не столько даже Грин его интересует, сколько «спонсоры». Потому что понимает: терроризм не может существовать без подпитки, без государственной измены в самых высоких слоях общества – слишком дорогое и хитрое это дело, чтобы гринь могли существовать самостоятельно.

Когда дорога завалена и подчас ни зги не видно, всегда кажется, что проще свернуть – так быстрее и виднее. А Фандорин идет по прямой, маясь, рефлексирюя, без конца усложняя и усложняя себе задачи: не пользуется услугами тайных осведомителей, не прижимает к стенке даже явно виновного. Ему говорит Пожарский: « – Неужто вы... не понимаете, что нам сейчас не до чистоплюйства? Вы разве не видите, что идет самая настоящая война?.. Про то, как облили серной кислотой агента Шверубовича, слышали? А про убийство генерала фон Гейнкеля? Подорвали весь дом, а в нем, кроме самого генерала... жена, трое детей, слуги. Выжила только младшая девочка, семи лет, ее выбросило взрывной волной с балкона. Переломило позвоночник и размозжило ножку, так что пришлось отрезать. Как вам такая война?

– И вы, охранитель общества, готовы воевать на подобных условиях? Отвечать теми же методами? – потрясенно спросил Фандорин».

Почти без потрясения мир совсем недавно встретил «те же методы». А сегодня мировая элита – писатели-фантасты, философы, музыканты – обсуждают российский вопрос: «Что делать?». Сказать по-русски «мочить в сортире» им неловко. Умберто Эко, Салман Рушди, Пол Маккартни и многие другие светила говорят красивее: как жить рядом с ними, как распознать в представителе «подозреваемого этнотипа», террорист он или нет? Здесь молчаливый крик: да выслать их скопом из западного мира! Запретить въезд! Но «нельзя

изгнать дьявола при помощи Вельзевула, он придет вместо него». Появятся, да и уже появились, европейцы с оружием в руках на стороне Аль-Каиды. Уже арестованы такие. Уже дают показания. Огромное количество американцев приняли ислам, так что останется – инквизиция? Терроризм – любой, который как вызов и который как ответ, – всегда мимикрирует. Начинается с благих вроде бы целей, а потом маховик раскручивается и наступает полный плен. Во всех антитеррористических законах, которые принимает сегодня западный мир (мы будем вас прослушивать, наступать на ваши права и свободы ради великой цели), есть страх и ужас. Они и продиктованы страхом и ужасом, то есть террором. Это – великое поражение.

А Фандорин, чистоплюйствуя и заикаясь (никто ему не ставил дикцию), терроризм победил. А потому что сказочный он все-таки герой, скажете вы. В истории такого не бывало, никто и никогда не побеждал терроризм полностью...

Побеждал. Но только однажды.

* * *

Это был XII век, и, конечно, все происходящее терроризмом еще не называлось. Но была такая организация, устроившая миру жесточайший террор, – орден исмаилитов, аналог современной Аль-Каиды. Это была их эпоха Крестовых походов, даже в Европу проникали смертники – асасины, и в ход шло все: яд, кинжалы... Они добились атмосферы полного страха. Даже Ричард Львиное Сердце боялся исмаилитов.

А победили их монголы. Потому что асасины, проникавшие всюду, в их среду проникнуть не могли просто по определению: империя Чингисхана была начисто лишена каких бы то ни было религиозных предрассудков. У них религия считалась частным делом: будь кем хочешь – буддистом, христианином, мусульманином, – монголы (а в их рядах были люди разных национальностей) никогда не вели религиозных войн и проверкой благонадежности не занимались. Там, где нет смысла притворяться и лицемерить, люди двуличные, двоеверцы исключены. И невозможен подкуп.

Так в эпоху религиозных войн и острейшей нетерпимости смогло победить толерантное, свободное от предрассудков, здоровое общество. И так в нашу новую эпоху (средневековую?) может войти только такой герой, как Фандорин (чтоб не впасть в Средневековье). Да, государственный, человек с ружьем, борющийся с терроризмом.

Страна уже такого выбирала? Но, может быть, в выборе этом были и некие романтические ожидания именно Фандорина? Которому можно все простить – и запачканность, и даже грязь – лишь только потому, что он сам себе этого не простит, а значит, и не допустит. Который идет по прямой, потому что в любой момент готов отдать жизнь за свободу. Но свободу за жизнь – свою собственную внутреннюю свободу, свои правила и свое пространство – никогда.

РЕАНИМАЦИЯ

Народ как телезритель умер, да здравствует новый народ как читатель Дарьи Донцовой

Люди, конечно же, включают по привычке телевизор, но умы давно уже здесь не бродят, мозги утекают... Куда?

В книжные магазины. Вы знаете, какой, к примеру, сегодня совокупный тираж книг писательницы Дарьи Донцовой? 60 миллионов! Люди читают то, что отвечает их внутреннему состоянию. Что это за состояние? Что это за явление – народ как читатель Дарьи Донцовой? Вот в этих вопросах мы и пытаемся разобраться сегодня вместе с социальным психологом, психотерапевтом Вячеславом ШАРОВЫМ.

Что это?

– Вячеслав Эдуардович, британская газета «The Guardian» сообщила недавно об очень интересных фактах. Во время московской книжной ярмарки Книжная палата провела исследование, которое показало, что большинство книг, продаваемых в России, – это криминальные триллеры, написанные женщинами, и их потребители тоже женщины. В списке Книжной палаты самая популярная писательница – Дарья Донцова.

– Как человек, специально изучавший феномен Донцовой, не могу согласиться сразу с двумя заданными параметрами. Во-первых, Донцова никогда не писала триллеры, она работает в жанре иронических детективов. Вы не найдете в ее книгах страниц, описывающих насилие, там практически нет кровавых сцен, ужасов, ну и так далее. А во-вторых, Дарью Донцову читают семьями – дети, папы, мамы, бабушки, дедушки.

На мой взгляд, исследователи в данном случае допустили некое обобщение. Женщины, авторы детективов, и в самом деле оказались успешнее своих коллег-мужчин, и именно женщины-читательницы обеспечили им такой взлет потребительского спроса. Да, вся эта симптоматика верна, но только не по отношению к номеру один в этом сегменте читательского бума. Дарья Донцова – это совсем иная история. Другое.

– А что это?

– Очень хорошо ответил на подобный вопрос знаменитый писатель Василий Аксенов. Он сказал, что Донцова – это что-то психотерапевтическое. И добавил, что относится к ней с уважением.

– Прежде, чем встретиться с вами, я обзвонила трех достаточно известных писателей. Если выразиться в режиме мягкой семантики, то скажу так: добрых слов в адрес Дарьи Донцовой я от них не услышала.

– Это ревность... не их, а ее книги покупают сегодня миллионы... Как переломить ситуацию? Запустить слух о том, что Донцова – это штат безымянных литературных негров. Что по книге в месяц ни один нормальный человек выдавать бы не смог. Но что такое есть норма для психики человеческой, для его духа? Может быть, не случись с автором того, что случилось – пять полостных операций, реанимация, глубокие наркозы, – она бы жила и работала в «привычном, приличном» в понимании ее коллег ритме. А она говорит в своей автобиографической повести «Записки безумной оптимистки» о том, что смех рак губит. И смеется... Исцелилась творчеством, исцеляет читателей...

– **Вот, кстати, существует еще такая версия по поводу небывалого спроса на ее книги – собственное страдание автора. Ее исцеление от смертельной болезни. У нас же любят сильно пострадавших.**

– Я бы допустил такой вариант, если бы речь шла об одной или двух книгах. Ну пусть о пяти, о десяти... Но у Дарьи Донцовой больше 60 книг и многомиллионные тиражи. Это – феномен.

– **Как вы его для себя объясняете?**

– Есть в нашей профессиональной практике такой метод – библиотерапия. Есть термин – библиоаптека. Дарья Донцова пишет спасательные книги. На мой взгляд, абсолютно прав Василий Аксенов: творчество Дарьи Донцовой – это социальная психотерапия...

Почему это?

– **Наверное, все-таки, любая хорошая книга лечит. Почему массовый читатель «приник» именно к Донцовой? Что удовлетворяется этим чтением? Какой запрос?**

– У нас как минимум 70 процентов населения страны находится в перманентном стрессе. Человека корежит, сминает, опускает все: калечащая медицина, самоутверждающиеся на детях учительство, агрессия милиции, декоративность судов, – да можно так перечислять и перечислять. Телевизор как будто специально запрограммировался на глумление по поводу всех человеческих смыслов. Что в дефиците? Человек, просто человек, его не хватает просто катастрофически. Я имею в виду человека современного. Конечно же, конечно, вы правы в том, что лечит любая хорошая книга, да и все произведения искусства – конечно же, лечат. Кто спорит. Вопрос лишь в том, способен ли затюканный, замордованный, затравленный человек к восприятию высокого искусства. Другое ему нужно в подобном состоянии, организм требует другого. Книги Донцовой для него в такие моменты как вода в пустыне – они легкие. Внимание схватывается моментально – детектив закручен мастерски. Но если уж так важно вам узнать, кто отравил героя романа, вы просто заглянете на последнюю страницу. А вот здесь, именно в случае книг Донцовой, вы этого не делаете, потому что много чудесных подробностей, занятных, веселых. Это не поток сознания автора, это – поток буйной фантазии удивительно порядочного, доброго, интеллигентного человека. Деликатного. Вот на что, как выясняется, спрос: люди переели всяческой желтизны, им невыносимо уже в пространстве пошлости и цинизма, они больше не могут смотреть на кровь или читать про нее. Это – запрос на душевность и сострадание: по страницам Донцовой бегут собаки и дети, бабушки и гаишники, продавцы, генералы, – понимаете, человек создал галерею современных нравов, показал современников – они там у нее все очень узнаваемые. Теплые, живые, без масок. Вот, кстати, помните, была такая исповедальная передача «Человек в маске». Не ту, комиссаровскую, я, конечно же, имею в виду, а старую, познеровскую. Когда человек говорил о себе, только о себе, казалось бы, а резонанс получался колоссальный – люди испытывали такие же чувства. Много было таких программ, просто человеческих, действительно дискуссионных: «Акуна Матата», «Взгляд», листовская «Тема».

– **Они не убивали время и не то чтобы помогали время скоротать. Они с этим временем как-то примиряли.**

– Вот именно эту нишу – человеческую, примиряющую, сострадательную, деликатную – телевидение упустило. А Дарья Донцова восполнила этот дефицит, ответила на запрос.

– **У меня такое ощущение, что телевидение тоже ощущает этот запрос и как-то пытается на него отвечать. Но когда мышцы долго не работают – они мертвоют. Смотрите, что произошло, когда решили больше не играть на низменных чувствах, обратились к высоким – строят любовь, заглядывают в отношения близких людей. Я имею в виду новую программу Дмитрия Диброва «Я готов на все». Ради родных и близ-**

ких человек идет на невозможное, невозможное подыскивается специально – изучаются фобии, тайные страхи героя. Тихий пожилой семьянин должен показать стриптиз, чтобы осуществилась мечта его жены – встреча с ее кумиром певцом Буйновым. Чтобы мальчишка по прозвищу «Зидан» встретился с настоящим Зиданом – легендарным футболистом мадридского «Реала», мама с фобией глубоководных пространств должна была поплавать в океанариуме с акулами, ей предстояло собрать со дна какие-то дощечки.

– Я видел передачу, где тот мальчик уже встретился с футбольной звездой, пригласил его в Москву, а потом сказал в камеру, что его мама самая лучшая. Уверю вас как психотерапевт: не так все просто это пройдет для детской психики.

– Профессор психологии Дмитрий Леонтьев назвал это «причинением добра». Знаете, как все происходило в передаче, которая предшествовала той, что видели вы? На сцене мальчик лет десяти, его обнимает мама, но ее же он видит на экране, а там она плачущая и дрожащая спускается к акулам. И ребенок на сцене тоже начинает плакать и дрожать. Известны случаи, когда маньяки записывают на пленку свои собственные сцены садизма, а потом просматривают и смакуют пережитое, да? Так вот, ведущий часто прерывает показ и обращается напрямую к ребенку: доведет мама начатое до конца или нет, как, по его мнению, действительно ли она готова на все ради любви к нему? Мальчик в ответ чуть ли не кричит, что лучше бы она остановилась, что его мечта вовсе не стоит такого ужаса. Ему явно очень хочется остановить это, но случившееся уже случилось – все в записи, не прямой эфир. В конце ему вручают билет в Мадрид и он берет его дрожащими руками. Четкое ощущение: на глазах у ребенка маму психологически изнасиловали. И он, как мог, сопротивлялся. А потом сломался, взял этот билет. Он тем самым согласился, что и он, и мама его – ничто! А вот есть Дмитрий Дибров, ТЕЛЕЧЕЛОВЕК! Он может все, и мама выслужила...

– Это фашистский метод. И КГБ, кстати, тоже играло не только низменными, но и высокими чувствами – люди становились стукачами, когда их шантажировали риском благополучию близких.

– Справедливости ради я хочу вам сообщить, что эта программа – лицензионная, авторство принадлежит телевидению Великобритании.

– Уверю вас, в прайм-тайм, на государственном или общественном канале Великобритании такого своим гражданам не покажет; ночь, кабель – это возможно. Но у нас она, насколько мне известно, транслируется телеканалом РТР – ей отданы воскресные вечера. Видите, в чем дело: в Англии воскресным вечером у телевизора вполне основательно может устроиться семья: дети, родители, бабули, дедули. Взрослым не надо держать пульт наготове, потому что в любой момент вот здесь – унизят, там – вообще опустят, а вон там нанесут такую душевную рану, что без помощи психоаналитика потом не обойтись. У нас вот так вот безопасно семья сегодня может сидеть с книжками Донцовой – там абсолютно экологический подход к человеческому восприятию. Никаких спущенных штанов на мертвом теле, ничего такого, что так нас сегодня разрушает, когда мы смотрим телевизор. Вы читаете одну книгу, а ту, которую не читали, можете смело отдавать ребенку или пожилому члену семьи – никаких токсичных веществ нет и быть не может.

Монологи читателей в книжном магазине «Москва»

– Почему купил? А я еще не купил... Это жена у меня подсела, не может без Донцовой жить. А я такому низкосортному, мусорному, однодневному

читиву предпочитаю Мураками, к примеру. Или Коэльо. Ну что Донцова? Я ее читал! Вот уже 19-ю книгу прочитал! Ничего особенного не обнаружил...
(Игорь, 32 года, специалист по видеотехнике)

– Потому что респект Донцовой. Мой респект, эта маленькая женщина, я считаю, совершила подвиг. Столько написать, да так, что берешь полистать, а потом очнешься – последняя страница и вот тебе утро уже. Весело, супер. У нее героиня главная – Том Сойер в юбке, она все время так красит свой забор, что всем хочется этим заняться. Я серьезно, у Марка Твена в эпизодах композиция совершенно несвязная, но какие эпизоды! Донцова напоминает мне это.

(Павел, 19 лет, студент филологического факультета МГУ)

– Я двадцать лет работаю хирургом, раньше, если родственники могли привезти больному в палату телевизор, мы знали, что выздоровление, заживление пойдет быстрее. Теперь во многих больницах, особенно в частных клиниках телевизо-ры и так стоят в палатах, но их не включают, они раздражают больных. Люди читают Дарью Донцову. Удивительный эффект. Это – как витамин. Мне больные дали почитать скаченный из Интернета текст ее автобиографической повести, где она рассказала, как стала писать, когда лежала в реанимации. Я прочитал почти все ее книги, это же все – сериалы и, может быть, корнями они идут к восточным сказкам, к такому сокровищу мировой литературы, как «Тысяча и одна ночь». Помните, падишах после каждой первой брачной ночи убивал новую жену, а Шахразада, очередная жена, рассказывала ему до утра сказки и останавливалась на самом интересном месте. Смерть, как падишах, смотрела на Донцову и никак не могла ее убить, интересно было смерти слушать ее детективы...

(Евгений Мартынов, 59 лет, хирург)

У КАЖДОГО В КОМПЬЮТЕРЕ СВОЙ ТРУП

– У меня осталось всего две жизни!
– Я уже поработил галлов!
– Уничтожил все машины, всех чудовищ, все прошел, а в конце погиб, потому что не успел записаться.

Если вот такие фразы кажутся вам бредом или в крайнем случае цитатами из фантастических романов, значит, вы до сих пор не имели тесного общения с людьми, «подсаженными» на компьютерные игры, и уж, конечно, вы не игрок сами. Но если все-таки вам хочется понять тех, кто изо дня в день нарывается на виртуальные проблемы и часами их решает, заключив в скобки проблемы реальные, прочтите новую книжку «НОМО GAMER. Психология компьютерных игр». И уж, конечно, стоит сделать это, если вы НОМО GAMER, то есть человек-игрок. Ощущение в итоге может быть примерно таким, как будто вы вышли на очную ставку с самим собой, познакомились и, может быть, что-то про себя самого поняли по-новому.

У нас сегодня много компьютерных специалистов. И очень много психологов. Казалось бы, две абсолютно разные профессии и они никак прямо не пересекаются. Но пересеклись в одном человеке: автор книги 32-летний Игорь БУРЛАКОВ – специалист по компьютерным играм и психолог.

– Игорь, до вас психологи все время говорили о том, что компьютерные игры – это ужасно плохо, потому что там бесконечно кого-то приходится убивать. Многие учителя, родители и врачи давно организовали кампанию по оттягиванию детей за уши от виртуального мира. Им кажется, что так они спасают их от какого-то страшного ущерба – и морального, и материального.

– Они просто чувствуют пропасть между поколениями. Играя в компьютерные игры, люди интенсивно осваивают нетрадиционный для культуры язык, – и это очень органичный процесс. Любой язык задает тип мышления. Те взрослые, которые освоили этот язык, – они на нем и говорят, и дети их слушают ну просто с удивительным вниманием. А других это не интересует, и получается, что их книги, фильмы, лекции никому особенно не нужны. Место, которое они раньше занимали в детской душе, теперь захватили компьютерные игрушки.

– Вашу книгу предваряет вступительная статья известного психолога Александра Асмолова. Он тоже с тревогой говорит об этой пропасти между поколениями, об угрозе «эффекта вельда» – по названию фантастического рассказа Рэя Бредбери.

Напомню коротко сюжет читателям: какая-то сверхумная машина создает эффект присутствия в группе африканских львов. Дети в них играют в соседней комнате, а родители слышат голоса и страшные стоны, которые кажутся им какими-то знакомыми. При этом они без конца повторяют: «Прекратите играть! Идите делать то, а не это...» Когда же, наконец, решаются окончательно запретить игру и входят в комнату к детям, на них со стен-экранов сходят львы. До них поздно, но доходит: все это время дети в виртуальном мире уничтожали именно их самих, и это доносились их стоны.

Так вот: с одной стороны, нас вроде как бы подстерегает «эффект вельда» и здесь все соотносится с тем, о чем говорите вы. С другой – тот же Асмолов пишет: «...в виртуальном мире может возникнуть виртуальная ответственность – то есть виртуальный мир позволяет убежать от ответственности в другой, третий, десятый... в вереницу виртуальных миров». А это уже, согласитесь, не о пропасти между поколениями, а вообще об играх, как о пропасти.

– Асмолов – мой научный руководитель. Как представитель старшего поколения, он долгое время не видел ничего хорошего в компьютерных играх. Так было и когда он писал вступительную статью к моей книге, но сейчас все иначе.

– **Иначе это значит: если ответственность виртуальная, то проблема не в компьютере, а в человеке?**

– Конечно.

– **Я знаю достаточно ответственных и порядочных людей, которых компьютер в определенные моменты жизни буквально подкашивал. Человек садился поиграть и собирался отвести на это минут 15 – 20, а спохватывался часа через три. И к черту летели деловые графики.**

– Я тоже знаю такие примеры. Солидный человек, которому за 40, очень уважаемый программист был приглашен вместе с коллегой в офис для проведения компьютерной сети. Они возились часа два; когда уже все проводки были подведены и подключены, встал вопрос: как проверить? Решили поиграть и играли часа четыре. Так вот, рассказывая об этом мне, программист искренне недоумевал: «Мы потратили на работу два часа, а проиграли четыре. Как это вышло – я не знаю, не понимаю». И он действительно не знал и не понимал. Мне тоже стало интересно, с этого, собственно, началась книжка.

– **В книге вы говорите, что компьютерные игры больше направлены не на логику, а на психику человека. Очень убедительно это аргументируете. Но ни слова не говорите о том, как же ее защитить.**

– Психику? Закрывать глаза и выключить компьютер.

– **А играючи?**

– Просто нужно учитывать, что каждый новый язык сильнее предыдущих по мощности своего воздействия. Мы вот сейчас уже научились воспринимать рекламу очень иронично. А ведь не так давно, когда она только стала появляться, верили всему, верно? Психика – сложная штука. Человека даже под гипнозом нельзя заставить делать то, что для него неприемлемо. Если бы на нас вдруг упал тунгусский метеорит, – не дай Бог, конечно, – мы очень много узнали бы о людях.

Понимаете, компьютерные игры – явление, которое не было предсказано ни одним фантастом. Компьютер – это было нечто, что стоит в отдельном зале, только кандидаты и доктора наук могут с ним обращаться и что-то там такое считать, какие-то решать исследовательские, оборонные задачи. Никто бы даже и не поверил, что компьютер можно использовать для развлечения, для игр. Шедевр человеческой логики, рациональности – и вдруг используется в иррациональных целях. Не логично, фантастика. И к этому явлению люди оказались совершенно не готовы, и то, как они себя повели, рассказало много о нас.

Когда, к примеру, выяснилось, что дети любят мучить тамагочи, – родители испугались, что они вырастили таких детей. Им легче было выбросить электронную игрушку, чем сесть и подумать: что изменить? Как? Зеркало показывает лица, компьютерные игры – то, что за душой.

– **Зеркало не имеет никакого воздействия на лица. Компьютерные игры иногда, как вы сами же об этом пишете в книге, вызывают дереализацию сознания.**

– Один из самых крупных производителей компьютерных игр, создатель DOOM, QUAKE, HEXEN – шедевров в своем роде, на своей официальной странице в Интернете объясняет «ошибку», которую по незнанию часто пытаются исправить журналисты. Производители пишут название своей фирмы id Software с маленькой буквы потому, что id – это имя инстинктоидной части личности в теории Фрейда. Литературно их название можно перевести как «программное обеспечение для фрейдовского бессознательного».

– **Иными словами, человек включает компьютер и выключается сам? Сознательно погружается в бессознательное состояние?**

– Сознание для игр не нужно: эффект присутствия Дум-образных игр создан из инвариантов, мир игры – из архетипов. Игры делятся по поколениям, сначала был «Дум-2» с не очень-то хорошей графикой.

– **Уж это-то я помню. Мне с огромным трудом удавалось «отодрать» от компьютера восьмилетнего сына. Мы выходили погулять, и на улице он, восхищенно оглядываясь, говорил: «Ух ты, какая вокруг графика!» Но буквально через пару минут про-сился назад: «Да, здесь красивее, но я как будто не здесь прожил, понимаешь? Плохо мне здесь». Ну просто человек-амфибия, для которого виртуальная реальность – море.**

– Потому что до Дум-образных игр человек наблюдал за перемещением персонажа со стороны: «это кто-то там бежит». Слить игрока и персонаж в одно целое и таким образом резко увеличить эффект присутствия – «это я тут бегу» – удалось за счет систематического использования психологических методов.

Прежде всего был использован метод «экологического подхода к зрительному восприятию» американского психолога Джеймса Гибсона. Позже за счет видеоускорителей в играх появились новые объекты, такие как огонь и вода, которые достаточно реалистично смотрелись. И главное: в основном игры базируются на вполне конкретных архетипах. Известно, что, пока архетип пребывает в неактивном состоянии, его невозможно обнаружить. Если же что-то его активизировало, он управляет поведением человека вопреки воле и разуму.

– **Вы достаточно подробно рассказываете в своей книжке об использовании в играх архетипов агрессивного лабиринта, чудовищ, смерти. «Захват» игрока виртуальным миром становится абсолютно ясен: все закономерности объяснены. Но есть некое противоречие в оценке ситуации. То вы говорите, что люди с достаточно высокой душевной культурой в компьютерных играх не нуждаются. Они им не нужны, как не нужны здоровому человеку лекарства. То утверждаете, что эти игры – полезная духовная практика, новый тип мышления, не овладев которым люди становятся просто неинтересны.**

– Это не оценка ситуации, а два разных типа миропонимания, которые объективно существуют независимо от нашего желания.

На Западе верующий человек четко осознает, что он рождается один раз, живет одну жизнь и один раз умирает.

На Востоке все совсем иначе: там человек вечно перерождается, и для него духовный рост – большой труд, а в итоге – освобождение, угашение собственного сознания. В тот момент, когда человек действительно сможет растворить собственное «Я», он постигает устройство мира и становится выше.

Есть много хорошо всем известных методик, позволяющих этого достичь: медитации, отшельничество, дыхательные упражнения. И одна из них возникла в Китае, когда туда проник буддизм. Его традиционная концепция изменилась под влиянием китайских представлений о Дао – неопределенном начале, стоящем за всем, что было, есть и будет.

Может быть, вы помните, лет десять назад появился боевик о шаолиньских монахах. Там были показаны как раз те обстоятельства, в которых человек вынужден принимать мгновенные, рефлексивные решения. Ему некогда думать, некогда переживать. Сознание сворачивается, человек действует, как робот, автоматически. В действии только заранее заученные реакции, цепь приемов и движений. И два монаха, которые часами дерутся, на самом деле не имеют цели убить друг друга, а каждый оказывает другому услугу. Они вот так постигают Дао, и каждый из них в этом процессе может погибнуть, если ошибется. И именно эта опасность заставляет их не думать об этом, точнее, думать не думая. Шаолиньские монахи вот так постигали сущность мира, они были очень религиозны. Так вот, сегодня похоже на то, что именно эта методика возродилась в компьютерных играх.

– **И это тоже архетип?**

– И это тоже архетип, только заметно более молодой, чем архетип агрессивного чудовища, к примеру. Шаолиньский монах ставил себя в условия, требующие полной концентрации внимания, реакций по типу условных рефлексов, когда нет места мыслям. Так вот: современные компьютерные игры – новая реализация древней восточной духовной практики. К примеру, игра Deathmatch: в ней не нужно проходить уровни, уровень всего один, и по нему нужно бежать, убивая всех встречающихся. А если убили тебя, ты после собственной смерти восстановишься, если успел первым набрать нужное число (фраги это называется) убитых соперников.

Сегодня сознание западного человека все больше и больше движется к Востоку. И это очень хорошо видно по компьютерным играм: популярны Quake 3 – игра, основанная на Deathmatch, и похожая на нее Unreal Tournament.

– **В последней можно полетать вокруг собственного мертвого тела.**

– Это выбивает, кстати, многих россиян. А ведь на самом деле все эти вещи очень тесно соприкасаются с тем, кто мы есть. Очень многое можно понять о человеке, если он скажет, во что он любит играть.

– **Если, к примеру, в стратегические игры?**

– В их основе архетип шахмат – шаблон мышления в сложных ситуациях. Человек в процессе этих игр становится системным аналитиком, потому что обучается быстро и правильно извлекать нужную информацию и на ее основе строить образ, превышающий объем сознания. Человеку важно увидеть результаты своей какой-то деятельности, построить цивилизацию или город. Но каждый человек строит по-своему; глядя на его город, можно делать выводы о нем.

– **Все же основная суть компьютерных игр – это бесконечные войны, разрушения. Может быть, это и хорошо в смысле духовной практики, но вот в плане практики душевной вряд ли полезно.**

– В Дум-образных играх – да, человек превращается в очень агрессивного победителя. Но это как бы тренажер, то есть в виртуальном мире он приобретает культуру управления агрессией.

– **«Человек оказывается и агрессивнее, и цивилизованнее одновременно. Если вспомнить пословицу про слона в посудной лавке, то... “слон” становится все мощнее, но все грациознее». Это цитата из вашей книги.**

– К месту. Хотя, конечно, так сложилось в компьютерной индустрии, что технологически было проще впустить игрока к игрушечному солдатику, чем к гейше, к примеру. Или к тамагочи – с ним игрок превращается во влюбленного, и это тоже архетип, но он слабее. Потому что игрок остается снаружи, нельзя пока попасть в его мир, и поэтому игра не может захватить так сильно. Я думаю, что первый, кто сможет это изменить, добьется эффекта присутствия в такого рода игрушках, будет потом очень долгое время контролировать рынок компьютерных игр. Попадая в эту среду, человек окажется так же захвачен, как это происходит с ним в «стрелялках», только он будет совсем другим выходить, – это гораздо более сильные чувства.

– **Не знаю, как тамагочи в компьютерных играх, но когда они были в виде маленьких игрушек – наносили достаточно серьезные травмы детям. Проспал, забыл покормить, а электронное существо погибло, и вот вам вполне конкретный его труп.**

– Понимаете, то, что человек проигрывает в виртуальном мире, он непременно выигрывает в реальном. Дети потому и играют...

Глава 4 НАМОРДОРАНЦЫ

«- Эта война!
Все кошки убежали.
Все собаки убежали.
И все птицы улетели.
Нельзя бегать по траве.
И на дерево нельзя залезть:
если упадешь в траву,
можно взорваться...»
(Из монолога
шестилетнего героя
фильма «Дети Чечни»)

ВЛАСТЬ ИНСТИНКТОВ

Мир людей и война животного мира

Представьте: третий вечер после трагедии на Каширке, 16 сентября 1999 года. Натянутый одним сплошным нервом пейзаж всех московских дворов: дежурные жильцы у подъездов своих домов. Уже, как в наручники, одеты в замки подвалы и чердаки, но еще смертельно пугает все, что в мешках, даже желтая опавшая листва, собранная трудолюбивым дворником, представляется гексогеном. До полуночи вахту несут в основном женщины, сильный пол сменяет их в ночь.

Представьте: именно в такой момент в один из дворов Северного Бутова въезжают сразу три машины, из которых выскакивают мужчины – и двор, замерев, считает их с тем же возрастающим ужасом, с каким считали фашистов девушки из кинофильма «А зори здесь тихие...»: «Два, пять. Семь! Десять! Одиннадцать!»

Замки на подъездах кодовые.

– Открой!

– А куда это вы? – спросила дежурная Назия Саутиева, и пожилая напарница Раиса Петровна Устинова тут же воинственно подвинулась к ней поближе – плечом к плечу.

– Ну а ты из какой? – и, услышав ответ, подытожили. – Вот к себе и веди.

– Мужчина сунул ей какое-то удостоверение прямо к глазам, Надя (так имя Назии во дворе переделали для удобства) открыла дверь и сама их и повела, – рассказывает Раиса Петровна. – И один из них, в длинном плаще, седой, невысокого роста, проходя, бросил мне: «Что же это вы террориста проворонили? Ба-абуски...» Я как закричу на него: «Что-о?» Он аж отшатнулся.

– Двор буквально сбился в кучку, люди уже обо всем догадывались, но не хотели верить в такую низость, – говорит соседка Любовь Оркина. – Все с тревогой смотрели в окна третьего этажа. Через 10 минут они вывели Бека. В одной футболке, в наручниках, под дулами автоматов. Провели до стоянки, где была его машина, и сразу назад. Зачем? Машину в тот момент не обыскивали – это они делали уже потом.

– Я думаю, это было просто демонстрацией: поймали террориста сразу же на третий день после взрыва на Каширке! *Круг почета самим себе.* Я не знаю, чего они ждали – аплодисментов или что мы сейчас, весь честной народ, кинемся в слепой ярости, раздерем его на кусочки? – говорит еще одна соседка, Таисия Кабанова. – Может быть, что-то похожее на такое чувство люди бы и испытали, если бы они вывели действительно террориста. Но они вывели Бека!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.